

Эдуард Веркин

СТРАЖ ВОДОТТОЯ

ОТ ОБЛАДАТЕЛЯ ПРЕМИЙ «КНИГУРУ», «НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ», «ЗАВЕТНАЯ МЕЧТА»

Эдуард Веркин. Триллеры. Что скрыто в темноте?

Эдуард Веркин
Страж водопоя

«ЭКСМО»

2020

УДК 978-5-04-108901-6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Веркин Э. Н.

Страж водопоя / Э. Н. Веркин — «Эксмо», 2020 — (Эдуард Веркин. Триллеры. Что скрыто в темноте?)

ISBN 978-5-04-108901-6

Светка и Марсель, брат и сестра, оказались без родителей в богом забытом городке Холмы, затерянном среди чащ и болот. Случайный попутчик отговаривал их ехать в Холмы: «Вы лучше туда не ездите. Они там с вывихом все». Но что может произойти в тихом городке?! Местные жители гостеприимны и, очевидно, очень рады Светке и Марселю: ведь в эти края мало кто заглядывает. Ребят поселили в пустующей больнице, вкусно кормят и стараются всячески угодить. Что кроется за навязчивым гостеприимством? Почему совсем маленькие дети приносят Светке в подарок мягкие игрушки? А за Марселем будто следят?.. Неужели Холмы – совсем не то, чем кажутся?..

УДК 978-5-04-108901-6

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-108901-6

© Веркин Э. Н., 2020

© Эксмо, 2020

Содержание

1	6
2	10
3	28
4	34
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Эдуард Веркин

Страж водопоя

© Веркин Э., 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет за собой уголовную, административную и гражданскую ответственность.

В сумерках все предметы кажутся темнее.

Чехов А. П.

1

От Знобищева к северу

Светка высунула язык и стала рассматривать его в зеркальце.

– Любуешься жалом? – спросил я.

– Чуть не откусила, – пояснила она. – Пап, а ты мог бы так быстро не ехать?

– И так еле тащимся, – возразил я. – Куда медленнее?

– Тебя не спросила... Пап, куда мы торопимся-то? Кругом тайга, а я запасной язык дома оставила, сам знаешь...

– Без языка – это тебе только преимущества, – сказал я. – Некит не любит болтушек, он сам трепло.

Светка ткнула меня кулаком в шею.

– Трепло, – повторил я. – И хвастун. В прошлый раз встретились, как завёлся про свои подвиги рассказывать...

– Ты просто завидуешь, – перебила Светка. – А зависть – плохое чувство. Не доведёт тебя до добра...

Конечно же, Светка сказала это зловещим голосом.

– Если человек тебя во всём превосходит...

– Это Некит-то во всём меня превосходит? – не удержался я. – Да он просто долдон...

Отец резко снизил скорость.

– Прекратите ругаться, – сказал он. – От этого у меня голова болит.

– Он первый начал. – Светка захлопнула зеркальце и вернулась к планшету.

– Ну да, про великого Некита плохо не выражёвываться...

Отец поглядел на меня выразительно, я замолчал. Поехали дальше. Подумалось – не поругаться ли ещё, так, немного, для развлечения, чтоб скрасить путь. Но решил, что не стоит. А лес за окном мне тоже надоел, так что я, как и Светка, взялся за планшет. Некоторое время ехали молча, в багажнике булькал бензин в канистре и брякал совок в ведре, и громыхали подвески. Светка хмыкала, скрежетала зубами и сосредоточенно тыкала пальцами в планшетный экран.

Дорога была относительно неплохая, заплатанная по поводу лета и пустынная по поводу утра, лишь иногда мы проскакивали мимо приткнувшихся к обочине фур с занавешенными кабинами, мимо лесовозов, мимо ремонтной техники. А вообще пусто.

Так и ехали.

Светка щёлкнула зубами, я обернулся, думал, может, язык прикусила.

Не повезло.

– И всё равно. – Светка бросила планшет на сиденье. – Все равно «Кипящая стена» у меня не работает. Не «Стена», а каша огненная. Почему так?

– Ну и хорошо, что не получается, – сказал я. – «Стена» хороша крыс в амбаре травить, для настоящего дела не годится. Если на тебя кто покрепче кинется, только шерсть ему опалишь. Лучше уж «Разящий смерч» использовать.

– После «Смерча» одни ошмётки остаются, – возразила Светка. – А я хочу трофеев на стену повесить. В прошлый раз я поставила «Смерч», так даже когтей не осталось.

– Зачем тебе когти? – спросил я. – Какой толк от когтей?

– Ожерелье сделать, – объяснила Светка. – Или бусы. Или пуговицы. Не, «Разящий смерч» не дело...

– «Смерч» хорош, – возразил я. – Но лично у меня толком ни разу не получался.

– Хочешь, научу? – лениво спросила Светка.

– Не, – отмахнулся я. – Не надо. Все эти огненные штуки... Это девчачье.

– Девчачье? – Светка аж подпрыгнула.

– Ну да, девчачье, – повторил я. – Все эти фейерверки, огненные шары, молнии – всё это очень девчачье. Красиво, конечно, но...

Я иронически усмехнулся.

– Я предпочитаю проверенные способы, – сказал я. – Меч, арбалет, копье. Чтобы сталь. Чтобы соль. Чтобы по-настоящему!

– Примитивный подход! – Светка пнула меня в спину через сиденье. – Как и ты сам – примитив и варвар...

– Ну конечно, не Некит...

Светка пнула посильнее.

– Хватит спорить, – отец затормозил. – Кажется, приехали.

Дорога расходилась вилкой. Отец остановился у знака, направо через двести сорок километров было Знобищево, налево была просто стрелка, без Знобищева.

– Давайте направо, – тут же сказала Светка. – Туда дорога разъезженнее – шанс найти нормальную гостиницу выше. Я не хочу в мотеле опять ночевать и в сапогах ходить.

– А я не хочу ночевать в Знобищеве, – сказал я.

– А вдруг тебе понравится?

Знобищево. Кто эти названия придумывает? Куда ни приедь – содрогнёшься.

Отец достал путеводитель, полистал.

– В Знобищево завод по производству пластиковой упаковки, – сказал он. – Средняя школа, пекарня, грибоварный цех, углежогные ямы. Всё.

– Я же говорю, в Знобищеве тебе понравится, – хихикала Светка. – Едем в Знобищево! Осмотрим углежогные ямы!

– А налево что? – спросил я.

Не хочу в Знобищево, что я, углежогных ям не видел, что ли?

– Налево у нас... – отец опять полистал путеводитель. – Налево у нас...

– Ну конечно же, Трупылёво! – перебила Светка.

Она не выспалась, и поэтому зла и капризна. В Трупылёве мы были две недели назад, чудесный тихий городок, не имеющий ничего общего со своим названием. Мне там понравилось, я ловил карпов в прудах и осваивал квадрокоптер. Отец писал днём отчёты, а по вечерам книгу, щёлкая по клавишам машинки одним пальцем, а вот Светка страдала с первого дня – в магазине, куда Светка отправилась за апельсиновым соком, её беспричинно стукнула старушка. Это повергло Светку в странное и смятённое состояние – она то собиралась найти старушку и выяснить, что же она ей сделала, то придумывала, как ловчее испепелить Трупылёво вместе с его бессовестными обитателями. Ни на первое, ни на второе Светка так и не решилась, зато Трупылёво стало частью нашего обиходного лексикона.

Почему выбор всегда между Трупылёвом и Знобищевом?

– Направо Холмы, – прочитал отец в путеводителе. – Город основан... ого, еще в девятнадцатом веке. Основан артелью бродячих мастеров, центр лесной и пеньковой промышленности на северо-востоке, готовили избу, сплавляли их до Волги... Искусные плотники...

– Большой выбор гробов, – прокомментировала Светка.

– Трёхэтажное здание пенькового техникума... – читал отец.

– Пеньковый техникум! – хлопнула в ладоши Светка. – Брат, тебе надо непременно туда поступить. Научишься наконец плести лапти!

– Лучше плести лапти, чем плести чушь, – ответил я.

– Лапти плетут из лыка, – поправил отец. – Из пеньки плетут верёвки. Кстати, до сих пор плетут именно из пеньки, отличные верёвки получаются.

– Могу поспорить – там проводится праздник самой крепкой в мире верёвки. День Висельника. Нет, не так, Висельник Дэй...

– Нет, – возразил отец. – Ежегодный фестиваль плотницкого искусства «В чашу». Помимо этого фестиваля Холмы известны самой толстой в мире сосной.

– Я за Холмы, – сказал я.

Не то что я уж такой поклонник самых неохватных в мире сосен, но явно интересней, чем в Знобищеве. Углежогные ямы.

– Я тоже за Холмы, – сказал отец. – Мне кажется, там будет интересно.

Мы выехали из-под знака и повернули налево. Хотя указателя в сторону непосредственно Холмов не было.

– Но почему мы едем всё-таки в эти Холмы? – спросила Светка уже без ёрничанья. – Что вам там показалось? Пеньковый техникум? Это, конечно, оригинально, кто-то же должен и пенькой заниматься. А нам-то что? Сколько, кстати, до Холмов?

– Триста тридцать, – ответил отец. – К обеду будем.

– Это если повезёт.

Триста тридцать километров меня несколько опечалили, ну да ладно. Кто-то же должен и всё такое прочее.

Хорошая дорога от отворота не продержалась долго, километров через двадцать её раскатали встречные лесовозы, и началась уже обычная трясина – с ямами, колдобинами и неровными заплатами из свежего чёрного асфальта. Отец поворачивал налево и направо, я перестал следить, куда мы ехали, иногда только сверялся с солнцем, убеждался, что едем мы всё-таки на север.

После очередного поворота дорога стала получше, правда, асфальт кончился совсем, вместо него началась бетонка, и теперь мы ехали как по рельсам и медленно. Светка переобувалась – вместо мягких розовых тапочек натягивала на ноги кеды на толстой резиновой подошве. А я и так всегда в кроссовках хожу.

Я опустил стекло и почувствовал реку.

– Река скоро, – сказал я.

– Да нет никакой реки, – возразила Светка.

– Река есть.

Поспорили немного, я выиграл, мимо реки я не проскочу, любую чую – дорога ушла книзу, остановились на берегу.

Отец изучал карту, Светка в планшете проверяла. А я смотрел на воду.

– Нам туда, – отец указал на другой берег.

Через реку был перекинут понтонный мост, уже старый, проржавевший и чуть снесённый течением в сторону.

– Понтон? – Светка посмотрела на отца.

– Бывает, – зевнул отец. – Возможно, почвы заболочены – капитальный мост ставить нельзя, а деревянные каждую весну сносит. Так что понтон – лучший здесь вариант. Не надо искать ужаса там, где его нет.

– А зимой как они ездят? – приставала Светка.

– Зимой по зимнику, – ответил уже я.

– Как у тебя всё легко, – рассердилась Светка. – Зимой – по зимнику, летом – по летнику.

Красота. Меня твой примитивный взгляд на мир поражает...

– Соберитесь, – сказал отец.

А я и так собран. Да и Светка тоже, это она просто так.

– Как речка называется? – спросила Светка.

– Белая Коса, – ответил я. – На указателе так написано...

– Бела Коса, – поправил отец. – Интересное название, странно его здесь встретить. Видимо, были какие-то культурные влияния...

– Бела Коса – красиво, – сказала Светка.

– Это по-сербски, – пояснил отец. – Означает...

– Да какая разница, что оно означает, – снова перебила Светка. – Всё равно красиво.

– Красиво, – согласился я.

– Да, – кивнул отец. – Красиво. Но мы слишком долго здесь стоим, нечего застаиваться.

Вы готовы?

Я поглядел на другой берег. Лес там. Когда глядишь на карту, видишь в основном города и железные дороги, а когда внутри этой карты находишься, то выясняешь, что вокруг в основном лес. Много леса. Рубят его, рубят, никак не вырубят, новый растёт и растёт.

– Готовы, – сказал я.

– Точно?

– Точно, – подтвердила Светка. – У меня уже руки чешутся даже.

Светка почесалась.

Отец поглядел на меня.

– Знаю-знаю, – сказал я. – Ты собираешь информацию для книги, буду внимателен, всё увижу, всё запомню, у меня фотографическая память. Включаю её с этой же секунды.

– Тогда вперёд.

Отец снял машину с тормоза. «Ровер» начал медленно сползать к понтонам, запуская из-под колёс галечные осыпи.

– Могу поспорить, Интернета там нет, – сказала Светка.

Она убрала планшет в футляр и достала газеты, купленные вчера на заправке.

2

Духовная сосна

– «Ученик седьмого класса двенадцатой школы города... – Светка вздохнула, – районного города Верхнее Трупылёво продал свою душу и на вырученные деньги купил себе смартфон последней модели...» – прочитала Светка из первой попавшейся газеты.

– Бывает, – сказал я.

– Враньё беззаветное, – Светка зевнула. – Как он, интересно, продал-то? Технически? Это, мягко говоря, сложное мероприятие. Если бы это было так легко, эти дураки давно всё бы продавали. Враньё. Стыдно так неумело врать печатным словом.

Светка потрясла газетами.

– Может, не враньё, может, он вундеркинд, – предположил я.

– Да пусть хоть три раза вундеркинд. Кто ему позволит в седьмом классе душу продавать?! – возмутилась Светка. – Душу может продать только совершеннолетний. Только с восемнадцати можно покупать гладкоствольное оружие, водить машину и продавать душу. Кодекс законов о семье и браке.

– Тёмные силы соблюдают законодательство?

– Скажу больше – юриспруденцию придумал Сатана, – поддержал Светку отец. – И тебе сестра правильно говорит – до восемнадцати лет никто у тебя ничего покупать не станет, да, сынок, тёмные силы действуют исключительно в правовом поле.

– Во-во, – сказала Светка. – Так что всё это вымыслы. Жалкий пиар.

Светка постучала меня газетами по голове, она всегда такая, не может удержаться, задирет, высмеивает.

– Думаю, сейчас можно через сайт продавать, – предположил я. – «Анима-Трейд» или «Селл Спирит», там много их. Регистрируешься под чужим именем, потом получаешь подтверждение, потом сертификат высылают.

– Какой сертификат? – не понял отец.

Отец старомоден.

– Что ты продал душу и за это можешь совершить покупки в определённых торговых сетях, причём с хорошими скидками.

– Всё равно – несовершеннолетний ничего весомого ни покупать, ни продавать не может, – упрямо сказала Светка. – Такая сделка недействительна.

– Тебе надо на юридический поступать, – заметил я. – Подумай об этом.

– А тебе на журналистику пошло бы, – огрызнулась Светка. – Сидел бы под лестницей, сочинял бы всякие небылицы.

«Ровер» замер на спуске к понтонам. Отец смотрел на реку, морщился с сомнением. Я его понимаю. Любой нормальный человек при виде ржавого понтона сильно бы посомневался.

– А тебе надо...

Я хотел сказать, что привычка огрызаться и затевать бессмысленные споры – это свидетельство многочисленных комплексов, но вмешался отец.

– И много желающих? – печально осведомился он. – Я имею в виду... развивать такую интернет-торговлю?

– Отбоя нет, – сказал я. – Предложение сильно превышает спрос, цены падают, кстати. Мошенники подтянулись. Один ловкач из Нефтеюганска умудрился в пяти разных местах продать. Так что мне кажется, теперь душу на смартфон сложно поменять будет – не те времена. Серьёзный демпинг.

– Да уж, – отец разочарованно вздохнул. – Времена, времена... Где ты, доктор Фауст?

– Доктор Фауст торгует в переходе фаустпатронами, это все знают, – сказала Светка. – А вот, кстати, ещё...

Светка откашлялась:

– «Вышедший в отставку лётчик гражданской авиации построил у себя на даче двадцатиметрового голема», – прочитала Светка.

Это смешнее, чем глупый семиклассник. Я представил, как отставной лётчик страдает тоской по небу и строит из песка, воды и палок голема. Зачем ему голем? Да еще и двадцатиметровый...

– Каждый стремится к великому, – объяснила Светка. – Маленький голем – это и не голем вовсе, так, садовый гном. А вот если двадцать метров! Это да! Это по-нашему! А вот ещё...

«Старушка задушила напавшего на неё крокодила. Аспирантка и учёный-маянист из Воронежа принесли в жертву Кетцалькоатлю семнадцать морских свинок. Подростки выходили подстреленного охотниками ангела и выпустили его на волю». – Про подростков и ангела мне, кстати, понравилось.

– Спасли ангела – это обнадеживает, – сказал я. – Ещё что есть?

Светка просматривала газеты, шуршала бумагой.

– В основном убивают, – сказала она. – Как всегда. Жрут, убивают, строят големов.

– Но и ангелов спасают, – заметил я.

– Гораздо меньше, чем строят големов.

– С этим миром что-то происходит, – заметил отец. – Что-то происходит...

Любит он старчески побурчать. И поговорки разные любит использовать в разговоре, ну, вроде «не всё скоту масленица», но это только если он в хорошем настроении. А если в плохом, то всё ворчит. Куда катится этот мир. Глаза бы мои этого не видели. Вот в наше время. Искусство по-прежнему в большом долгу. И прочий скрежет зубовный.

– Да ничего с ним не происходит, – тут же стала спорить Светка. – Всегда все одно и то же: жрут, убивают, лепят идолов.

– Но и ангелов выхаживают, – снова напомнил я.

Светка ответила, зачитав из газеты:

– «Водитель трамвая утверждает, что его транспортом регулярно пользуются живые мертвецы...»

Смешно. А почему не посмеяться? Смешно ведь. В прошлом году некий военный пенсионер-подводник создал в клубе автокранового завода дайвинг-секцию, а как стали проверять, так выяснилось, что они там вовсю Ктулху поклонялись. Поколение такое, ничего не поделаешь. Потерянное. Все эти культисты всегда стремятся поклониться какой-то англосаксонской дряни. Не встретишь ты среди них кумиров ни Глота, ни стрыги, ни каких-нибудь завалященьких псоглавцев из Пыелдино, ни каменную девку, ни мальчиков кровавых, всем подавай баныши, да вервольфов, да вендиги колченогого, да голема из соплей и тины. Время победившего фастфуда, тут отец прав. Потерянное поколение. «Не лярва, но ксеноморф» – вот их девиз. Хотя и лярва тоже, кажется, заграничное... Нет, мало, мало еще патриотизма в этих вопросах. И, как всегда, нет, нет пророка в отечестве своём, нет.

– «Студентки Литинститута купили на птичьем рынке аксолотлей и всю ночь вызывали люциферов...»

– Дай сюда! – Отец не вытерпел, отобрал у Светки газеты, вышвырнул их в окно. – Читайте всякую дрянь, потом спать не можете.

Газеты поплыли по воде. Это преувеличение, после такой дряни я спать себе вполне могу.

– Какие печальные лебеди, – сказала Светка. – Плывите, плывите.

Бела Коса была не очень широкой, пожалуй, метров сто пятьдесят, но сразу видно, что река серьёзная: высокие берега, вода не быстрая, но сильная и однородная, движется не как

вода, а как расплавленный свинец, или как ртуть, тяжёлая такая вода. И понтоны она обходила как-то жирно, как масло.

– Я искупаться хотела, – сказала печально Светка.

Я тоже, если честно. Не очень жарко, но лето ведь, летом купаться полагается, валяться на песочке, жизни радоваться. Но видно, что купаться здесь не очень удобно, да и неохота в такой воде купаться, неприятная она.

– Потом покупаетесь, – сказал отец. – Будет ещё время. Держитесь покрепче...

Машина встала на понтон, и он плотно просел под ней, я испытал лёгкое и забавное головокружение, точно мы съехали на батут.

За мостом дорога явно пошла вверх. Хотя это было и не очень заметно, но двигатель загудел чуть натужнее.

Я взял путеводитель и принялся изучать. Действительно сосна, и действительно пеньковый техникум. А вот ещё, краеведческий музей и постоянная выставка пейзажиста Лодыжского. Про художника Лодыжского я не знал, но разве всех этих художников упомнишь? Сейчас все фотографируют, раньше все рисовали. Посмотрим пейзажиста. Отец живопись любит, вполне может быть, что он сюда как раз из-за этого отправился. Заодно прикоснуться к прекрасному.

Но прикоснуться к прекрасному удалось не скоро – мы ехали и ехали по дороге, и по сторонам никакой цивилизации не встречалось, только всякий лес и иногда поля с незнакомой зелёной культурой интенсивного цвета – наверное, пенькой. Отец иногда поглядывал в путеводитель, сверялся и морщил лоб. От Бела Косы мы преодолели уже почти сто пятьдесят километров, и я немного уже устал, хотелось выйти и размяться.

Но отец не останавливался, гнал к городу. Оно и правильно, если успеть до обеда, то можно попробовать найти ночлег. Ночлег – это важно, ночевать в машине не хочется, надоело, потом шея болит и ноги ломит...

Возле дороги стояли девушка в платье в красный горошек и мелкий пацан с корзиной. Вообще у нас правило – попутчиков не брать. Во-первых, у нас в машине места мало, всего два свободных. Во-вторых, это небезопасно, сейчас по дорогам всякой швали шастает немало.

Поэтому отец даже скорости снижать не стал, чуть сдвинулся влево, поближе к центру дороги, чтобы девушку пылью не закидало.

Девушка подняла руку.

Отец тормознул, «Ровер» остановился, вокруг взвилась пыль.

– Чего это?! – удивилась Светка. – Ты зачем остановился?

А я уже увидел зачем – под ситцевым платьем круглился вполне себе тугой животик, похожий на арбуз, – девушка была беременна. Оставлять беременную на дороге нехорошо, тут все понятно, какие тут правила.

– Поехали! – громко сказала Светка.

Но отец уже открыл дверцу и вышел на дорогу.

– Зря он это, – Светка поморщилась. – Договаривались же.

– Да ладно, – возразил я. – На дороге в ту сторону никого, что им, до вечера тут стоять? Светка вздохнула и сдвинулась влево.

Дверца открылась, и в машину забрался мелкий пацан, а за ним беременная девушка.

Они поздоровались и расположились рядом со Светкой, отец вернулся за руль, и мы поехали дальше.

– Куда едете? – спросила Светка у девушки.

– В Черняево, – тут же ответила девушка. – Мы от бабушки идём, она в Клушине живёт. Тут двадцать километров. Мы у бабушки картошку окучивали.

Исчерпывающая информация.

– Как картошка в этом году? – спросил отец.

- Сухо в этом году, мало картошки будет. Зато вкусная. И мёд в сухие годы полезней.
- Если пчёлы опять не передохнут, – буркнул пацан.
- У вас пчёлы погибли? – обернулся отец.

Пчёлы передохли.

– Ага, – подтвердила девушка. – Пчёлы уже третий год дохнут, все пасечники бегут в соседние области. Папка уезжать хочет, в Черняеве у нас смехота...

– Слизни, – вставил пацан. – Всю клубнику съели слизни. А малину вошь малиновая. Грибы всё время червивые, он с ноготок еще, а уже гнилой...

– Да уж... – сочувственно сказала Светка. – Малиновая вошь шутить не любит.

– А у вас как? – спросила девушка в ответ.

– У нас всё паршиво, – ответил я. – Всю княженику побило молью.

– И репу, – добавила Светка. – И турнепс.

– И вязига не зацвела, – добавил я.

Хотя вязига это что-то другое, кажется, пироговое.

– Вот я и говорю, – согласился пацан. – Всё зашаталось. А вы сами откуда?

Я не успел, а Светка быстрее меня соображала:

– Трупылёвские мы. В Трупылёве живём, то есть прямо там, у бочагов.

Ну конечно.

– Да, я там был, – сказал пацан. – Хороший посёлок. Там черёмуховый кисель варят.

– Обожаю черёмуховый кисель, – поддержал я. – Однажды три литра за обедом выпил.

– Его же нельзя много пить! – удивилась беременная девушка. – Желудок же скрутит!

– У меня здоровье железное, – признался я. – Мне от киселя ничего не было.

– А меня пучило всё время, – в свою очередь признался пацан. – Так вы куда едете-то?

– А мы в Холмы едем, – сказала Светка.

Пацан присвистнул.

– В Холмы? – переспросила девушка. – Зачем в Холмы-то?

– Путешествуем, – ответила Светка. – Внутренний туризм развиваем. В Холмах растёт гигантская сосна и есть пеньковый техникум.

– Не надо туда ездить, – сказал вдруг пацан.

– Не надо? – удивилась Светка. – Почему?

– Потому...

– Потому что там одни дурни живут, – ответила вместо него девушка. – Мы туда с папкой за тёсом поехали, баню хотели переставлять, так они нам тёс продали, а потом ещё и колеса нам прокололи.

– Точно, колёса прокололи, – подтвердил пацан. – А ещё я там пиццу купил – три дня потом есть не мог. Так что вы лучше туда не ездите, обязательно там отравитесь. Они там с вывихом все. Так что мы в Холмы никогда не ездим.

– Как это – с вывихом? – продолжала расспрашивать Светка.

– Я же говорю – они нам все колёса прокололи, – повторил пацан. – Нам пришлось в машине ночевать, а они всю ночь вокруг стояли.

Я хихикнул.

– Как это – стояли?

Я обернулся назад. Пацан сидел между девушкой и Светкой. Лет десять ему, наверное. И всё, никаких больше качеств. На девушку похож, наверное, сестра его.

Девушка ткнула парня в бок.

– А что? – спросил он. – Тебя не было тогда, а я натерпелся. Мы в машине закрылись, а они стояли вокруг и смотрели.

– Зачем? – не понял я.

– А кто их знает? – пацан пожал плечами. – Стояли и смотрели, я уснуть не мог – они под каждым столбом торчали. Стояли и стояли, но так ничего и не сделали. Но всё равно неприятно. А на следующий день ни один шиномонтаж не работал, хорошо у нас камеры были, перебортовались кое-как и убрались.

– Да, они странные там, – подтвердила девушка. – Хотя и вежливые очень.

– И нет там никакой сосны и никакого техникума, – добавил пацан. – Там одни стукнутые!

– А у нас как раз бескамерные шины, – сказал я. – Если что, не заклеить. Па, может, не поедем?

Отец промолчал.

– Правильно, не ездите туда, – посоветовала девушка. – Лучше к нам в Черняево, у нас два родника с живой водой и земляничные поляны. Если дача нужна, то у нас три дома свободных, в любом можно жить.

– А я уже на пеньковый техникум настроилась, – с сожалением сказала Светка.

– Можно на обратном пути заехать, – предложил я. – Я очень люблю земляничные поляны. Но пеньковый техникум тоже безумно интересно провести.

– Ну, как знаете, – девушка погладила себя по животу. – Но ночевать не оставайтесь, там люди действительно... не знаю. Лучше не ночевать, короче.

Мы пообещали, что будем настороже, а на обратном пути обязательно заедем в Черняево. После этого Светка и пацан полчаса беседовали о преимуществах жизни в Трупылёво, а мне скучно стало, и я смотрел на дорогу.

Мы высадили беременную девушку и её брата возле указателя на Черняево, а сами отправились дальше по грейдеру. Километров через семьдесят дорога снова вырулила к реке и пошла по берегу, вдаль показался городок, восходящий от воды на пологий холм. Теперь точно понятно, почему Холмы. Дома издали напоминали насекомых, карабкающихся на круглый камень, настырных чёрно-красных букашек.

– Кажется, приехали, – сказал отец.

Дорога вернулась в лес. Я успел заметить, что Холмы сплошь деревянные, каменных зданий никаких... всё, больше ничего не успел заметить.

– Иногда мне кажется, что я их понимаю, – сказала Светка.

– Кого? – не понял я.

– Местных, – ответила Светка. – Тут очень трудно. Весной слякоть, летом жара и комары с лошадь размером, осенью грязь, зимой стужа и волки. Хочешь не хочешь, а начнёшь...

– Дурить, – закончил я. – Тут всегда дурить хочется.

– Да, дурить, – согласилась Светка.

– Я же просил собраться, – напомнил отец. – Приехали почти, возьмите себя в руки наконец.

Лес слева оборвался, и открылся простор. Огромное жёлтое поле, оно плавно опускалось вниз, в синь, в конце которой серебристо блестела река.

– Ого! – оценила Светка. – Да тут просто Шишкин и Пушишкин запнулись, смотрите, какие виды!

– Рожь, – определил отец. – Что-то рано налилась... А это кто?

По полю шагало несколько фигур, как мне показалось издали, в космических скафандрах, точно склеенных из серебристой фольги. Но почти сразу я догадался, что это не скафандры, а костюмы термической защиты.

– Пожарники, – Светка тоже догадалась. – Только непонятно, что тушить собираются.

– Может, от паразитов опрыскивают? – предположил я.

Но оказалось, что от паразитов пожарные ничего не опрыскивали, – над головой у одного из них вспыхнул воздух, и прочертилась широкая огненная дуга. Она на мгновение зависла в

воздухе, затем пролилась в поле огнём. Рожь мгновенно вспыхнула. И другие пожарные ударили, и огонь расплескался по сторонам, на секунды над озером поднялся чёрный масляный дым, но огонь тут же поднялся выше и выжег дым, и остался только огонь. Жаркий и голодный. Я давно за огнём такое замечал – стоит ему лишь чуть вырваться, как он себя уже не помнит, ревёт, гудит и жрёт всё, до чего дотянется. А фигуры в блестящих марсианских комбинезонах добавили ещё огня. И ещё.

– Огнемёты... – поражённо сказал я.

– Огнемёты! – с восхищением проговорила Светка.

Она огонь ещё больше меня любит.

Отец промолчал.

Рожь разгоралась. Пламя поднялось уже стеной. Понятно, что заезжено, но по-другому не сказать – только стеной, неровной, похожей на лес, только из огня.

– Однако... – Светка стала настраивать планшет. – Провинция, как всегда, будоражит. Сюда бы Ван Гога, он бы оценил.

Началось, подумал я. Не успели ещё приехать, а ей уже Ван Гога подавай. А на всех Ван Гогов не хватит.

Мы медленно катились вдоль поля, смотрели на молодой пожар.

На дороге перед нами стояла пожарная машина, рядом с ней машина «Скорой помощи», вокруг ленились несколько человек в униформе спасателей, пили газировку, жевали что-то, поглядывали на разгорающееся поле. Из кабины пожарной машины торчали телескопические удочки с привязанными чёрными лентами, ветер тянул эти ленты в сторону поля. Пикник с огнемётами такой, да, Ван Гог бы смог. Но и Шишкин бы не спасовал, думаю. Если художник Шишкин жил бы в наши предпоследние дни, он наверняка рисовал бы такие вот картины.

Проехать можно было только по обочине, отец взял вправо и стал пробираться мимо пожарной дружины.

– Это кризис перепроизводства злаковых культур, – объяснила Светка. – Выросло слишком много, а хранить негде. Логистику не просчитали, вот и жгут. Невидимая рука рынка. Вообще весь мир состоит из невидимых рук, куда ни сверни – везде кто-то невидимыми руками орудует...

– Не мели ерунды, – оборвал отец. – Никто из-за этого жечь не будет.

Огонь сильнее подхватился ветром, над полем поднялись огненные паруса.

– Да остановись же! – потребовала Светка. – Это красиво, оставь, я хочу поснимать!

Отец остановился. Светка стала снимать горящее поле на планшет. А я смотрел. Страшно и красиво. Хорошо, ветер в сторону реки, а если обратно качнётся? Или в сторону леса?

К нам подошёл пузатый дядька в оранжевой дорожной жилетке, отец опустил стекло.

– Вы в Холмы? – спросил дядька.

– Да. С экскурсионными целями.

Я решил, что сейчас дядька начнёт требовать прекратить съёмку, но на съёмку ему плевать было.

– Прямо езжайте, – указал дядька. – Тут недалеко уже. Вы Лодыжского смотреть?

– Да...

– Ага, понятно. Если с ночёвкой решите, то «Тихая прохлада» свободна сейчас. Это гостевой дом.

– Спасибо. А что это у вас творится? – отец кивнул на поле.

– Дезинфекционные мероприятия, – пояснил дядька. – Контролируемый пал.

– Зачем?

– Спорынья, – вздохнул дядька. – Видимо, рожь заражённую посеяли, теперь утилизировать надо.

– Спорынья? – отец удивился. – Разве она ещё есть?

– Как видите, вылезает ещё. Редкостная дрянь, приходится выжигать, другого-то выхода нет.

– Понятно.

Огнемётчики продолжали расходиться веером. Они плевались огнём, поджигали рожь, и та принимала пламя, а ветер его раздувал.

– Поезжайте, – махнул рукой дядька. – Здесь небезопасно.

– Да-да...

Со стороны города, поднимая пыль, показался джип. Не как наш паркетный вездеход, а вполне себе внедорожная машина, пикап на квадратных колёсах со злыми грунтозацепами, с люстрой на крыше, с гофрированной трубой шнорхеля, выведенной на крышу. Битый, царпаннный, с облупившейся по порогам краской, джип замедлил ход и остановился напротив нас. Из машины выбрался высокий и крупный человек в блестящем огнезащитном костюме, вблизи напоминавшем сильно помятую фольгу от шоколадки. Человек достал из кузова пикапа оранжевый баллон с лямками, закинул за плечи, подпрыгнул, поправляясь. Огнемёт.

Огнемёт и огнемётчик.

– Михаил Петрович, мы бы сами управились. – К огнемётчику тут же подбежал мужик в оранжевой жилетке. – Зачем? Тут дел всего-то на полчаса...

Михаил Петрович покачал головой и стал натягивать толстые перчатки.

– У нас всё под контролем, – продолжал докладывать мужик. – Первая группа, как планировалось, движется к востоку...

Михаил Петрович помотал головой.

Мэр, подумал я. Решил лично постоять над пропастью во ржи, в данном случае совершенно в буквальном смысле. В провинции всегда так, каждый, способный держать в руках оружие, выходит на передний край с огнемётом. Тем и жива.

– Но всё-таки, Михаил Петрович...

Михаил Петрович щёлкнул чем-то в своём огнемёте, и перед форсунками вспыхнул острый синий огонёк.

– Понятно. – Мужик в жилете чуть поклонился. – Всё понятно. Остаёмся на связи.

Он слился куда-то в сторону, а Михаил Петрович...

Михаил Петрович стоял напротив нас и смотрел. У него были пустые и совершенно бессонные глаза, блестящие то ли от усталости, то ли от лекарств, пластиковые какие-то. Он смотрел, и ничего в его глазах не шевелилось, только огнемёт шумел, совсем как старый примус.

– Здравствуйте, – сказал отец.

Михаил Петрович вздрогнул, очнулся и пошагал в поле, но потом оглянулся и снова точно прилип к нам.

Отец двинул машину, «Ровер» вырулил с обочины и покатил дальше, только уже не быстро – на дорогу то и дело выскакивала полевая живность, спасавшаяся от пожара: мыши, ежи, суслики, пешеходные птички с длинными носами. Отец не любил давить животину и ехал медленно, оставляя шанс.

Поле кончилось, снова начался лес. Светка выключила планшет.

– Спорынья? – спросила она.

– Это редкая гадость, – сказал я. – Такие чёрненькие дряни прямо в колосе...

– Гадость, – подтвердил отец. – Всё гадость, время такое. Спорынья везде. И они правильно делают, что её выжигают, её и надо выжигать.

– А я сама всегда выступаю за выжигание, – заявила Светка. – Только выжиганием можно навести хоть какой-то порядок в этом мире.

Я не стал спорить, пусть, в выжиганиях Светка всё-таки разбирается гораздо глубже.

– Выжигание – это спорный вопрос, – заметил отец. – Возможно, есть другие, не такие радикальные методы.

Мы не стали перечить.

– Ты заметил? – спросила шёпотом Светка.

– Что опять?

– У этого Михаила Петровича в джипе на сиденье автомат Калашникова лежал.

– Провинция, – объяснил я.

– При чём здесь провинция? Ты считаешь, что у каждого провинциального жителя в машине автомат Калашникова?

– Ну, может, и не у каждого... Но у многих. Трудно жить в деревне без нагана, слыхала про такое? Провинция – это как Техас, там все имеют «кольт» и слушают кантри, а у нас все носят «Сайгу» и слушают «Сектор Газа».

– И всё-таки... – Светка оглянулась на поднимающийся в небо чёрный дым. – «Калашников»... Зачем ему «калашников» на пожаре?

– Это не «калашников», – сказал отец. – Это «Сайга». И вполне понятно, зачем её берут с собой. Пожар может выгнать из леса разных животных, так что карабин под рукой иметь неплохо.

– Вот видишь, – сказал я. – Для самообороны – это раз. И вовсе не «калашников», но «Сайга». Это же совсем другое дело.

Светка деспоривать не стала.

Справа от дороги показалась уродливая бетонная стела «Холмы – столица лесорубов», под ней новенький герб Холмов: на синем поле два топора над полукруглым мостом, перекинутым через белую реку. Светка сфотографировала, она гербами интересуется. Затем рекламные билборды, затем город.

Город действительно оказался деревянным. Дома, магазины, тротуары, не из дерева были только асфальт на главной улице и бетонные столбы, да и те только в центре. Решили сразу начать осмотр достопримечательностей, само собой, с Лодыжского, хотя я, конечно бы, съел макарон, сейчас почти везде научились делать хорошие макароны, съедобные. Но отец сказал, что желудок никуда не убежит, а музей может закрыться, думать надо прежде всего о духовном питании.

Краеведческий музей располагался в двухэтажном деревянном доме старинной архитектуры, скорее всего, раньше в этом доме городская управа располагалась, или земство, или иное какое присутствие. Или особняк пенькового промышленника, как уж водится. Я давно заметил: посещение музея – это у нас как ритуал. В каждом новом Трупылёве есть краеведческий музей, а в нём первобытное весло, прогнившая острога, заплесневелая сеть, ядро Стеньки Разина или кандалы Пугачёва. Всё как полагается.

И обязательный зал с чучелами.

Нас встретила обычная неприветливая краеведческая старушка, её наверняка звали Калерией Семёновной, и на её счету имелась пара-тройка чересчур непочтительных любителей провинциального искусства. Калерия продала нам билеты и отправилась сопровождать. Она сразу измотала нас повестями про необычайную ловкость плотников Холмов, способных вырубить одним топором избу, а если нужно, то и теремной дворец. Затем закрепила успех историями про мастерство производителей пеньки, которые плели канаты для самого «Титаника», но в роковой рейс корабль ушёл с канатами из гнилой ирландской эрзац-пеньки, нашими не успели оснастить, а если бы успели, то судьба самого известного в мире судна могла бы сложиться иначе. Наверняка намечался контрольный выстрел – рассказ про известного мецената...

Но тут мы добрались до часов. В конце большого зала между двумя окнами на первом этаже стояли часы. Сразу скажу – это были самые омерзительные часы, которые я видел в жизни.

Я много видел зловещих часов, любые напольные часы, которым сто лет, выглядят зловеще. А если они ещё ходят, и звонят, и громко ходят... То вообще не уснуть.

Но эти часы были другие.

Издали они мало чем отличались от обычных ходиков с кукушкой, такой же теремок, такие же гири в виде шишек. Однако приблизившись, мы обнаружили, что часы совсем не нормальные.

Да, это был теремок из чёрного полированного дерева, но при внимательном взгляде открылись некоторые особенности, мастер, изготовивший часы, постарался в странную сторону. Сам теремок был сложен из оторванных рук. Не из костей, а из рук, с вывернутыми кистями, со скрюченными пальцами, с вытянутыми длинными жилами. Часовой домик покрывали птичьи крылья, выломанные с мясом, а окошко для кукушки напоминало гниющую рану. Гири, тянувшиеся к полу, отлили в виде чёрных зазубренных топориков. Безвкусно, это даже я почувствовал. Хотя тут и чувствовать ничего не надо было, видно, что пошло и безобразно. Зачем их сюда притащили?

Для чего их промышленники заводили, понятно – перед соседями хвастаться своим нигилизмом и богатством, ну а потомки это барахло завещали музею, а из музея выкинуть жаль, потому что наследие. Или мужиков деревенских пугать, не платит мужик податей, а ты его к этим часам приводишь и говоришь – плати, Лука, или запру тебя с ними на ночь, сам не свой станешь. Короче, увидь, бедолага, и вздрогни.

Светка брезгливо поморщилась.

– С этими часами связана одна мрачная легенда, – рассказывала хранительница. – Молодой барин приехал из Германии с женой и привёз много диковин, среди которых были и эти часы. Как вы видите, на часах одна стрелка, и трудно определить – какая именно. Принято считать, что эта стрелка обозначает дни.

– Какие дни? – не понял я.

– Дни жизни, которые отпущены тому, кто осмелится эти часы завести, – произнесла хранительница со значением.

И поглядела на нас, точно мы непременно собрались эти часы завести. А мы со Светкой переглянулись. Хранительница улыбнулась, радуясь произведённому на нас впечатлению.

– А кто-нибудь пробовал? – немедленно поинтересовалась Светка. – Ну, завести?

Мне не понравилось то, как она спросила. С интересом. Я сам очень не люблю такие штуки: шкатулки, обрубающие пальцы, часы, смертельно раздражающие владельцев своим скрипом, ароматические лампы, способные убаюкать бешеного бегемота, телескопы, вонзающие в глаза звездочёту отравленные иглы, – за тысячелетия цивилизации человечество изобрело много премерзнейших предметов. Поэтому меня интерес Светки не обрадовал, мало ли что в этих часах...

– Разумеется, пробовал, – ответила хранительница. – Однажды Александр Лодыжский, привёзший эти часы, отправился по делам в губернию. Его молодая жена Лизавета осталась в имении. Она скучала и в этой скуке изучала вещи, вывезенные из Европы. Само собой, она не прошла мимо этих часов. Лизавета окончила курсы в Санкт-Петербурге и была материалистически настроенной барышней, поэтому в отсутствие супруга она занялась поиском ключей.

Мы со Светкой слушали. Светка как раз большая поклонница всевозможных страшных историй, ну а я слушал для того, чтобы потом рассказать отцу, – он сразу, минуя часы и сундуки-горки, отправился на второй этаж разглядывать пейзажиста Лодыжского.

– Ключ от часов обнаружился в секретере, и нетерпеливая девушка завела часы. Ничего не произошло, стрелки сдвинулись, и внутри часов заработал механизм...

– И что же случилось? – нетерпеливо спросила Светка.

– Смерть явилась к ней в двенадцати обликах, – с некоторым удовольствием произнесла хранительница. – Девушка поседела и почернела лицом, она перестала есть и спать, у неё

выпали ногти, слуги боялись её и разбегались из усадьбы. На двенадцатый день приехал её муж. Он вошёл в комнату, где жила Лизавета. Она сидела у окна, а на руках у неё спала белая кошка. Когда Александр вступил в комнату, кошка прыгнула на пол, а Лизавета упала бездыханная на пол!

Хозяйка музея уставилась на нас с восторгом во взоре.

– О! – сказала Светка. – Это интересно.

– А где же ключ? – спросил я. – Его, наверное, в сейфе хранят?

– Совсем нет, – ответила хранительница. – Ключ висит на гвоздике справа на часах.

Мы дружно шагнули вправо. Там действительно на гвоздике висел ключ. Самый обычный, железный, скучный заурядный ключ.

– На этих часах проклятие, – снова с удовольствием произнесла хранительница. – Говорят, что эти часы сделал сумасшедший швейцарский мастер, продавший душу дьяволу. Часовщик хотел сделать часы, которые шли бы целую вечность, но за это он должен был создать часы, отбирающие жизнь...

Я не верю в проклятые часы. За каждым проклятыми часами стоит какой-нибудь психопат.

– А в наши дни кто-нибудь пробовал их заводить? – спросила Светка.

– Нет, конечно, – покачала головой хранительница. – Это же фондовая вещь.

– Интересненько... – Светка поморщилась. – Очень интересненько.

Я взял Светку за руку и повёл дальше, на второй этаж, туда, где живопись.

Художник Лодыжский был по совместительству лесопромышленником и потомственным фабрикантом корабельных канатов, которые продавались аж в самом Лондоне, на товарной бирже, ими оснащались почти все корабли флота Её Величества, включая «Титаник».

Мы выслушали про «Титаник» повторно, причём в этот раз краеведческая Калерия добавила, что верёвки из Холмов сыграли значительную роль и в мировой культуре, – в частности, известный исследователь истории родного края подполковник Брылин уверял, что сам Есенин воспользовался качеством местного продукта, которое, как всегда, оказалось на высоте.

Это смотрительница произнесла с каким-то удовлетворением. А потом отчего-то закашлялась, покраснела и убежала пить воду. Светка ухмыльнулась.

Поставивший этот дом Спиридон Лодыжский весьма неплохо зарабатывал на жизнь пенькой и лесом и даже построил на свои средства пеньковый техникум и больницу. Он был сыном Александра от второго брака, купцом первой гильдии, в свободное же время занимался живописью. В этом у него имелись немалые таланты, Спиридона Лодыжского брали в Императорскую академию художеств, но он предпочёл предаваться живописи самостоятельно. Несколько раз он ездил в Италию и Голландию, привёз оттуда множество работ и коллекцию антиквариата.

Это всё нам сообщил уже отец. Он прохаживался по залам, разглядывал картины по второму разу, фотографировал, хотя и было запрещено, только за двести рублей. Мы ходили за ним, смотрели.

Пейзажи Спиридону удавались. Я в живописи плохо понимаю, но себе домой я бы их повесил. В основном море, острова, пляжи длинные и нищие рыбаки, чинящие сети на песке. Народ, я вспомнил, что в девятнадцатом веке было модно изображать всякий народ.

Кроме нас экспозиция посетителями была не перегружена, залы дышали пустотой, светом и прохладой, так что мне в музее понравилось. Мы обошли его справа налево, от итальянского периода в творчестве Спиридона к русскому, от неапольских оборванцев к нашим, от красот Везувия к приволжским плёсам, а потом и вовсе к зиме. В творчестве Лодыжского вдруг обосновался север, в картинах тосковала стужа, и стыл лед, и острыми гирляндами блестели сосульки. Мазки стали крупными и не такими усердными, как раньше, снег, седина и синие просторы, и далёкими чёрными точками из-под снега замёрзшие ямщики.

Я подумал, что очень хорошо тут картины развешаны – от молодости и надежды к старости и смирению, в конце всегда зима, и никак иначе. Производит впечатление, чего уж говорить.

– А это ещё что? – отец нахмурился.

В самом углу зала висела ещё одна картина. Она, в отличие от других, была небольшая по размеру, может, в половину стандартной плазменной панели, и висела как бы не на всеобщем обозрении, а чуть застенчиво сбоку, в слабоосвещённой нише.

– Вот это гадость... – прошептала Светка.

И я с ней был абсолютно согласен. Картина совершенно омерзительная. То есть по-настоящему омерзительная, взглянув, я сразу отвернулся, потом, конечно, заставил себя глядеть.

Был нарисован высокий берег над рекой, опушка тёмного леса и мрачные деревья, напоминавшие дубы, толстые и с похожими на щупальца осьминога корнями. На широкой, покрытой сочной зелёной травой поляне стоял белый телец. Именно телец – уже крупный и рослый, но ещё не рогатый бык. Он стоял мордой к реке, правый бок его был распорот, рёбра были сломаны и вывернуты наружу острыми краями.

Возле тельца на залитой кровью траве лежала тварь, похожая... Не знаю, я раньше таких не видел. Это был одновременно и волк, и тигр, и кабан, и варан, покрытый чёрными шипами, и крокодил, и ещё что-то неизвестное. Тварь погрузила в рану тельца тяжёлую лапу, выедала вывалившиеся внутренности и от удовольствия прикрывала широкие и масляные красные глаза.

А там, под деревьями, стояли фигуры, неразличимые в бордовых тенях деревьев, их было много, они стояли и смотрели.

Но хуже всего, хуже сытого хищного чудовища и хуже теней, укrywшихся за деревьями, были глаза тельца.

Смиранные и терпеливые. Телец понимал, что его поедают заживо, и не сопротивлялся. Вот эта тошнотворная покорность меня ужаснула больше всего.

Мерзость. Начищенная медная табличка говорила, что эта гадость называется «Пир».

– Оригинальная живопись, – отец включил вспышку и заснял картину. – Необычные цветовые решения.

Куда уж. Кровь и кишки совсем как настоящие, блестят и со знанием дела нарисованы, и вывернутые кости белые и блестящие, как сахар.

– В краску, кажется, фосфор подмешан, – заметила Светка. – Какие-то они чересчур яркие.

– Возможно... – кивнул отец.

А по мне, так не только яркие, но и выпуклые ещё, точно кровь вживую стекала и запекалась мелким бисером, а над мордой зверя...

Художник увлекся своим тошнотворным шедевром и случайно мазнул красным над головой зверя.

– Это тоже Лодыжский? – поинтересовалась Светка. – Странная тема для картины...

– Рука та же, – отец ткнул пальцем в картину. – Мазки одинаковые, и стиль... Так что это, несомненно, он. А тема, да, необычная. Видимо, некоторая масонская символика. Хотя...

– Он был масон? – спросила Светка.

– Тогда все масоны были, – ответил отец.

– И иллюминаты, – добавил я.

– И иллюминаторы, – вставила Светка.

Мы рассмеялись. Наверное, это выглядело весьма странно – мы стояли у жуткой картины и смеялись. Но я не могу не смеяться при упоминании иллюминатов, они забавные.

– Символика прозрачна, – сказал отец. – Зверь пожирает агнца... Но у масонов должен обязательно присутствовать намёк на победу света. То есть неременная весть о том, что тьма

будет повержена. Обычно это или луч солнца, выглядывающий из-за туч, или фигура охотника вдалеке, или меч, лежащий на дне ручья. Здесь же никакого намёка на свет. Не знаю... Тёмная вещица.

Отец покачал головой:

– Не знаю, масонская ли эта картина, но однозначно она мне не нравится. Возможно, тут влияние английского мистицизма, возможно...

Я так глубоко искусство не понимал, просто видел, что картина дрянь. Нет, нарисована очень хорошо, подробно и живо так, животно даже, только дрянь. Мне вдруг захотелось эту картину сжечь. Или кислотой плеснуть, или ножом порезать, уничтожить её, чтобы никто больше на это не посмотрел, чтобы я сам про неё забыл раз и навсегда.

Что только не найдёшь в наших краеведческих музеях. «Пир» вот.

– Если честно, мне это не нравится, – сказал я. – Мне бы это развидеть.

Мне бы вообще много развидеть, если честно.

– Самое противное здесь – это тени.

– Меня они тоже пугают. – Светка указала пальцем на тени. – Кто эти наблюдатели? Зачем они здесь?

– Понятно зачем, – сказал отец. – Наблюдают.

– Не, неправильно, – возразил я. – Они не наблюдают, они ждут.

– То есть? – не поняла Светка.

– Своего кусочка.

Светка поморщилась.

Мне начинала надоедать эта картина. Как-то слишком долго мы возле неё стояли, не стоило, впечатлились слишком.

Нет, картина определённо паршивая.

Зло. На этой картине не было нарисовано зло, она сама была злом. Чистым, незамутнённым, откровенным злом, такое иногда встречается, особенно в глазах.

– Похоже... – сказала Светка.

Отец покивал.

Откуда-то прилетела муха и принялась гулять вокруг нас, а я подумал, что это, наверное, очень подходит к ситуации – возле такой картины и должны кружиться мухи.

– Мне кажется, или...

Светка понюхала воздух.

Я понюхал, но ничего не уловил. Обычная музейная пыль, может, еще чучелами с первого этажа пахнет, может, сыростью – дом всё-таки деревянный.

– Пойдёмте смотреть сосну, – предложил я.

– Тут воняет, – сказала Светка. – Гнилью какой-то.

Показалась хранительница, видимо, на смех. Она огляделась и направилась к нам.

– Эта картина не принадлежит перу Лодыжского, – начала рассказывать она. – Краеведы считают, что полотно написано одним из его учеников, – ведь в старости он преподавал рисунок и лепку в пеньковом училище.

– А что здесь нарисовано? – тупо спросил я.

Хранительница замолчала.

– Трудно сказать однозначно, – ответила тётенька после некоторого раздумья. – Вероятно, это что-то из библейских сюжетов, увиденных художником через призму европейского романтизма. Наш музей – старейший в области, он был основан ещё до революции, и эта картина тогда располагалась на центральной стене, где сейчас висит «Утро в Венеции».

Мы посмотрели на «Утро в Венеции». Море, паруса.

– Разумеется, потом она несколько раз опускалась в запасники...

– Почему? – перебил отец смотрительницу.

– В прежние времена эту картину считали пропагандой религиозного мракобесия... А потом...

Смотрительница поглядела на нас с сочувствием, то есть на нас со Светкой.

– Эта картина сильно пугала детей, если честно, – ответила музейная работница. – Родители были недовольны и писали письма. Так что её периодически убирали в подвал.

– Правильно и делали, – сказала Светка.

– Да, многие были недовольны, – воспоминательно вздохнула тётенька. – Один человек даже накинудся на полотно с топором!

– Какие ужасы... – Светка картинно закатила глаза. – Но она же цела?

– Её отреставрировали, – объяснила тётка. – Кстати, её довольно часто реставрировали, полотно сложное, требует ухода. Последняя реставрация проведена около двух лет назад, так что сейчас «Пир» почти в первозданном виде.

– У вас есть средства на реставрацию? – с завистью поинтересовался отец.

– Средства выделены Фондом Лодыжского, – ответила хранительница. – Местные коммерсанты и меценаты собирают средства для сохранения культурного наследия. На эти средства поддерживается в порядке здание пенькового техникума – сейчас районная больница, и проводится реставрация работ нашего знаменитого земляка и его учеников.

– Хорошо, когда в городе есть меценаты, – сказал отец.

– Чудесно, – согласилась Светка. – Давайте поедem посмотреть сосну!

– Давайте, – сказал я.

Сосна всяко лучше «Пира».

– У нас есть каталог экспозиции, – вдруг испуганно предложила смотрительница. – «Пир» в него не включён, можете купить.

Отец, конечно, купил. Смотрительница раздобрилась и в качестве бонуса выдала нам брошюру «Самая толстая в мире сосна», в которой рассказывалась история сосны и как сосну найти.

Отец спросил, есть ли такая брошюра по пеньковому техникуму, краеведчица ответила, что техникум закрыт уже как шестьдесят лет назад, а в его здании сейчас районная больница.

– А осмотреть её можно? – спросила Светка.

– Осмотреть... – растерялась тётенька. – Там же больница...

– А что, больницу нельзя осматривать?!

Светка зацепилась. И завелась.

– А может, я больна? – продолжала Светка. – А может, у меня расстройство?

Светка хмыкнула и стала скрипеть зубами.

Тётенька поглядела на отца.

– Светлана, успокойся... – начал он.

– Я спокойна! – яростно вскрикнула Светка. – И не надо мне указывать, что делать!

– Светлана... – Отец протянул руку, намереваясь взять Светку за локоть.

– Руки убери! – снова крикнула Светка.

Смотрительница подпрыгнула, а отец отдернул руку.

– Не трогайте меня!

Светка покрылась красными пятнами, совсем как смотрительница недавно, отскочила от нас и побежала к выходу.

– Простите, – отец поморщился.

– Ничего страшного, – смотрительница пожала плечами. – Молодёжь...

– У неё нервы, – пояснил я. – Иногда прихватывает. Несчастливая любовь.

– Понимаю... – сочувственно кивнула смотрительница.

Мы с отцом поблагодарили смотрительницу за рассказ и направились на первый этаж и на выход.

Светка ждала около «Ровера», нетерпеливо переминалась с ноги на ногу, злобно озиравлась.

Отец открыл машину.

Светка запрыгнула внутрь и хлопнула дверцей так, что в музее дрогнули стёкла, а в окне показалось испуганное лицо смотрительницы. Я пожал плечами.

Мы с отцом тоже забрались в салон.

– Ну что, едем смотреть сосну? – спросила Светка как ни в чём не бывало.

– Едем, – ответил отец.

Отправились любоваться сосной, хотя и техникум немного увидели – сосна росла как раз за ним. Техникум располагался на самом верху Холмов, от него вниз уходила улица, а сразу за небольшим парком и зданием кочегарки начинался лес.

Мы бросили машину возле ворот и обошли вокруг техникума, который нынче был больницей.

Если честно, ни на больницу, ни на техникум он не походил. Построенное больше ста лет назад здание напоминало замок. Высокие окна, готические башенки по углам, рыжие флюгеры, крашенные зелёной краской, само здание из кирпича, и забор вокруг из кирпича, только рва не хватало. А вот донжон имелся – с правой стороны поднималась башенка, украшенная поверху зубцами. И кирпичный забор вокруг, как крепостная стена. Больных не видно, как и докторов, на дверях приёмного отделения замок.

– Видимо, все выздоравливают, как мухи, – сказал отец.

– Брусничный лист помогает от всего, – напомнила Светка.

– И целебные пиявки, – сказал я. – Какая без них медицина?

После этого отправились искать великую сосну.

Кирпичный забор, окружавший больницу, был во многих местах завален, так что мы без труда преодолели двор техникума и пролезли через дыру в замшелой ограде.

Перед нами был лес.

Отец достал навигатор. В буклете «Самая большая в мире сосна» имелись спутниковые координаты знаменитого дерева.

– Если спутник нам не врёт, до сосны всего четыреста метров, – отец указал в лес.

Но ни тропинки, ни дорожки, ни указателя, лес, когда-то чистый сосняк, сейчас затянутый осиновым подлеском. Наверняка раньше за лесом ухаживали и всю эту молодую сорную поросль вырубали, теперь бросили, и лес одичал.

– Пойдём? – спросил отец.

Мне в такой густой лес соваться не хотелось. Во-первых, продираться, во-вторых, клещи. Наверняка притаились и ждут. Не то чтобы я очень опасался энцефалита и боррелиоза, из безразличности, ненавижу, когда всякая дрянь пытается забраться под кожу.

– Предлагаю считать, что сосну мы осмотрели, – сказал я. – Она на самом деле громадная, реликтовая и вообще суперсосна.

– Глупо, – сказала Светка. – Тащиться триста километров, чтобы пройти мимо пенькового техникума и не осмотреть великанскую сосну. Получается бессмысленное путешествие, вы так не считаете?

Слушать наш ответ Светка не стала, шагнула в заросли.

Я тут же шагнул за ней, а отец чуть задержался, определяя азимут по навигатору, с одной рукой это непросто.

Светка продиралась сквозь подлесок, мы за ней. В прошлом году мы вот примерно так искали на берегу Палёного озера бродячие камни, целый день искали, пока не выяснили, что Палёных озёр в округе пять штук. А в позапрошлом году искали Чулимский метеорит, но не нашли. И три года назад тоже старались в каком-то поле, деревню заброшенную пытались вычислить, но я уже забыл, удалось ли.

– Стоп, ребята! – позвал отец. – Пришли.

Пришли. Вокруг росло несколько сосен, довольно кривых и необычных, но всё равно не грандиозных, не в пять обхватов, недоросли ещё.

– И где же наша великая сосна? – поинтересовалась Светка.

Отец потряс навигатор.

– Надо поискать, – предложила Светка. – Наверняка где-то здесь.

Погрешность у навигатора невелика, метра два от силы, можно и поискать, заросли всё-таки, вдруг не видно.

Мы поискали. Побродили по молодым осинкам, поцарапались молодыми рябинками, почувствовали себя глупо, остановились наконец. Я уже заблудился. Если бы меня сейчас попросили выйти к пеньковой больнице, я бы не смог. Хорошо, что у отца навигатор, а то смешно получилось бы – заблудились в рукой подать от пенькового техникума.

– Что дальше делать будем? – спросила Светка.

Вопрос.

Отец почесал подбородок навигатором и снова сверился с экраном.

– Не знаю, – честно признался он. – Не знаю. Координаты верные, здесь должна расти сосна.

Мы в очередной раз посмотрели на то место, где должна была произрастать сосна. А ведь и правда смешно. Тащиться триста километров, чтобы не увидеть сосну.

– Вот и верь путеводителям, – вздохнула Светка.

– Навигатор не работает, – предположил я. – Магнитная аномалия. Или карты неправильные.

– А может, этой сосны и нет вовсе? – предположила, в свою очередь, Светка.

– Как это?

– Так. Была, росла, самая большая, сгнила, спилили. Или бобры сожрали. Была сосна – нет сосны. А во всех этих Холмах всего три достопримечательности. Если вычеркнуть пеньку и сосну, то одна останется. Вот они и продолжают врать про сосну, чтобы туристов не отпугивать.

– Вполне себе версия, – согласился отец. – Ладно, пойдём в город, искать ночлег.

Версия не вполне себе, подумал я. Если бы тут произрастала мегасосна, то к ней наверняка тропинку протоптали бы, а тут совсем никакой. И явно не было никогда, ну, сто лет назад, может.

Отец определил направление, и мы двинулись сквозь заросли. Я был уже вовсе не рад, что мы отправились искать сосну, глупое занятие, ну сосна, ну и что? Лес глухой и закоряженный, между осинками проросли жёсткие ёлки, отчего видимость окончательно пропала, я видел только спину Светки и слышал за собой шаги отца. Иногда он велел идти направо, потом налево, мы поворачивали.

– Стоп!

Отец остановился и снова уставился в экран.

– Мы уже триста метров как вышли, – сказал он. – Сейчас мы должны стоять у нашей машины...

– Да? – Светка демонстративно огляделась. – Что-то я её не вижу. Машина, ты где?

– Такого не может быть, – сказал отец. – Навигаторы не врут.

– Я же говорил, здесь магнитная аномалия.

– Да нет, скорее программа глючит. Попробую перезагрузиться.

Отец стал перезагружать навигатор. Смешно, заблудились на ровном месте втроём вокруг самой гигантской в мире сосны. Хотя так всегда и бывает.

Навигатор не перезагрузился. Отец выругался и с размаху ахнул прибор о ближайшее дерево. Обычно наш папенька предпочитает противоударные и влагостойкие аппараты, но против удара с размаху об осину никакой гаджет не выдержит. Навигатор разлетелся в брызги.

– Прекрасно, – сказала Светка. – Теперь нам вообще не выйти. Нельзя, что ли, нервы придерживать?

– Попробуй в своём планшете посмотреть, – попросил отец у Светки.

– А он в машине.

– Ты что, его в машине оставила?

– А что, мне его с собой таскать? – огрызнулась Светка. – Я что, лошадь?

– А что, он такой тяжёлый?! – вспыхнул отец.

– Здравствуйте! – Светка хлопнула в ладоши. – Ты завёл нас в лес, разбил навигатор, а теперь меня во всём обвиняешь?!

– Да хватит... – попытался я.

Попытался, не получилось.

– Конечно! – рявкнул отец. – У тебя всегда я виноват! Что бы ни случилось, я всегда виноват!

– А кто?! – заорала в ответ Светка. – Кто ещё?! Всё ведь из-за тебя случилось! Из-за тебя!

Ладно. Я шагнул в сторону и почти сразу потерял из вида и отца и Светку, хотя и слышал их через ёлки и осинки. Они ругались. Хорошо так ругались, душевно, громко, пусть.

Я выбрал поваленное дерево и присел. Хотелось подумать, хотелось прислушаться, наверное, уже пора прислушаться. Но мыслей не было.

У меня в последнее время с мыслями тяжело, наверное, от дорог. Мы слишком много ездили, не знаю, сколько тысяч километров, от тряски и мельтешения за окном я перестал думать. Стал замечать, что никаких сложных движений у меня в мозге не происходило, я стал воспринимать действительность примитивно, в простоте. Голод – еда, жажда – вода, усталость – сон, тупые реакции.

Возможно, это и не случайно, возможно, отец этого и добивался – чтобы мы со Светкой поменьше думали, время ведь такое – думать надо меньше...

Что-то там наверху случилось, небеса сдвинулись, и вдруг через серую унылую вату появилось солнце. И стало как-то веселее, потому что солнце сразу проникло всюду, под каждую ветку, под каждый лист и под каждую иголку, воздух вспыхнул радугами и водным туманом, и да, я запнулся.

Думаю, что за корень.

Или упавшую ветку.

Или в нору попал, лес, ничего не поделаешь, это же лес, тут везде корни, норы и ветки, люди запинаятся за них и падают. Я тоже завалился как дурак, неловко ещё в придачу, едва мизинец не вывихнул на левой руке.

Вот так, упал, зашипел от боли, рукой затряс и увидел. Возле сосны, той, что справа. На высоте примерно полутора метров от мха перекатывалось в воздухе прозрачное облачко пара размером, наверное, с апельсин. Солнечный луч попал в него, и на секунду оно засияло ярко-розовым и тут же исчезло, точно и не было его вовсе. Да уж, удивительные штуки выкидывает солнце в летнем лесу. Солнце, водный пар, дыхание деревьев. Или устал это я, или от боли в мизинце...

Мизинец распух посередине и косил в сторону, я ухватил его покрепче и дёрнул. Палец с хрустом встал на место, я скрипнул зубами. Солнце пропало.

– Светлана, прекрати!

Моя сестра и мой отец продолжали ругаться.

– Я тебя прошу, прекрати! Светлана!

Отец уже завопил. У моего отца есть несколько степеней бешенства: в первой он хрустит пальцами, во второй кричит и бьёт кулаком по столу, в третьей орёт и белеет от злости, в финальной и четвёртой – вопит и брызжет слюной. Вот сейчас он как раз вопил и брызгал.

Я продрался через кусты на шум и увидел.

Отец и Светлана стояли друг напротив друга.

– Светлана, – отец выдохнул и попытался взять себя в руки. – Светлана, прекрати этот психоз. Сейчас не время и не место для нервов...

– Да отвали ты! – ответила Светка. – Отвали!

Я услышал в голосе Светки истерику. Пора, значит. Отец вопит – тоже пора, значит. Пора показаться.

– Доченька...

– Ненавижу тебя! – завизжала Светка. – Ненавижу! Это ты виноват! Ты!

– Светлана! – уже примирительно сказал отец. – Не надо так...

– Ты виноват! – свирепо повторила Светка. – Ты виноват в том, что случилось с мамой! Отец хлопнул Светку по щеке. Ладонью. Не сильно получилось, но звонко, как в бубен. Бдацц.

Голова Светки качнулась. Разумеется, отец не вкладывал в шлепок хоть какой-то силы, но всё равно. Довела.

– Извини, – сказал отец. – Извини, я не со зла.

Светка потрогала лицо. По щеке у нее разливалась краснота, а глаз яростно дёргался.

– Извини, – повторил отец.

Светка повернулась и направилась в лес.

Я за ней. Не стоило сейчас оставлять её одну, это понятно.

Я поглядел на отца, он отвернулся.

Светка быстро шагала сквозь лес, не глядя куда, продираясь через зелень, не оглядываясь. Я не собирался её догонять, пусть немного ярость сбросит.

– Ненавижу... – скрипела зубами Светка. – Ненавижу его!

Светка побежала. И я.

Мне пришлось за ней держаться, чтобы не отстать. Бегать я не люблю, особенно по лесу, глупое занятие. А Светка бежит отлично. И на коне скачет. И спортсменка. Это может дурную шутку сыграть. Во-первых, может сгоряча далеко забежать – выходи потом из этих буреломов. Во-вторых, с разбега легко удариться головой о дерево, такое с ней уже случалось. В-третьих, я считаю, что во всём надо знать меру, ну, побегали немного – и хватит, не следует перегибать, к тому же я палец почти вывихнул.

Так я подумал, догнал Светку и срубил её с ног, аккуратно стараясь, чтобы не ушиблась.

Светка упала во мхи. Я остановился рядом.

– Ненавижу, – прошептала Светка. – Ненавижу его.

– Он устал немного, – сказал я. – И заблудились ещё, как назло. Трудно держать себя в руках...

– И тебя, – Светка плюнула в меня, но не доплюнула. – Ненавижу.

– Жвачку хочешь? – спросил я. – У меня апельсиновая.

– Подавись, – ответила Светка.

– Послезавтра. Вставай, клещей наловишь.

Я подал ей руку, выдернул из зелени. Светка успокаивалась, это было видно, дышала уже спокойнее.

– Он виноват, – повторила Светка. – В том, что с мамой случилось, виноват он, а не я. Только он и никто другой!

– Никто не виноват, – возразил я. – Это... случайность.

– Он виноват. А всё свалил на меня. Он меня доведёт. Доведёт, это точно. Я сбегу.

– Куда? – спросил я.

– Куда-нибудь. Подальше. В Знобищево. Не могу, честное слово, не могу терпеть...

И Светка заплакала. Громко, с хлюпаньем и растиранием слёз по щекам. Всё по плану. Скандал – ярость – слёзы. Почти искренние.

Конечно, нам давно нужен отдых. Лучше поехать к морю на всё лето, к родным руинам, к акведукам, к амфитеатрам, к белому песку, лежать и щуриться на солнце.

Но мы здесь.

Я ждал. Светка, как я и предполагал, проплакала восемь минут, потом вздохнула и успокоилась.

– Жаль, что сосну так и не увидели, – сказала она. – Потом всем бы рассказывали...

– Бывает, – пожал я плечами. – Да, жаль. Хотя вряд ли бы сосна нас духовно обогатила.

– Кто знает... Иногда можно духовно обогатиться в самых неожиданных местах. Может, это была духовная сосна.

Светка достала платочек, вытерла лицо.

– Как выбираться будем? – спросила она.

– Надо подождать, – сказал я. – Отец что-нибудь придумает.

– Например?

– Например, у него брелок от сигнализации. Он пробивает почти на три километра. Я думаю, отец уже успокоился, сейчас он нажмёт на кнопку, блок в машине ответит, отец пройдёт на звук и побибикает нам.

– Будем ждать, пока он побибикает?

Я кивнул.

– Самое надёжное средство, – сказал я. – Если ты заблудился в лесу, не спеши куда-либо идти – сядь и послушай. И услышишь.

– Что?

– Лесопилку, железную дорогу, вертолёт. Звук сигнализации. Послушаем.

Светка покривилась, стали слушать.

– А у Никиты есть спутниковый компас-чесотка, – сказала Светка. – Браслет такой. Выбираешь направление, допустим, северо-восток, и, когда сбиваешься с направления, рука начинает чесаться. Хоть с закрытыми глазами можно идти.

Я промолчал. Восхищаться Некитом я не намерен, пусть Светка им восхищается. А отец скоро просигналил. Причём совсем рядом, буквально в сотне метров.

– Да уж, – усмехнулась Светка. – Заблудились, называется...

– Лес – странная штука, – сказал я. – Тут всякое бывает. Пойдём.

– Пойдём.

Отец посигналил ещё, и мы пошагали в сторону машины.

– Всё равно, – вздохнула Светка. – Всё равно я сбегу. Когда-нибудь.

Когда-нибудь и я. Надену чесоточный компас – и вперёд.

3

Утро дохлого дрозда

Гостевой дом «Тихая прохлада» располагался на одной из улиц, поднимавшихся в холм от центральной площади у реки, названия я не запомнил, имени кого-то. Мне «Тихая прохлада» напомнила широкий и плоский шатёр с экологической крышей из дранки, отец авторитетно заявил, что это прекрасный образец северной архитектуры, Светка выразила надежду, что клопов здесь нет.

Хозяйка усадьбы, как мне показалось, не шибко удивилась нашему появлению, спросила, осмотрели ли мы картинную галерею, нашли ли сосну, как нам пеньковый техник, не выслушав ответов, объявила, что места у неё есть, правда, недавно делали ремонт и пахнет краской, но клопов не будет.

Светка немного смутилась, отец сказал, что подойдёт, заселяемся, и поинтересовался, где можно поужинать. Хозяйка ответила, что ни кафе, ни ресторанов, ни столовых в Холмах нет за ненадобностью, но она может приготовитьпельменей. Мы согласились. Светка робко предложила вариант «батон и йогурт», но искать магазин никому не хотелось, к тому же имелись сильные подозрения, что магазины уже закрыты.

Пельмени оказались препаршивейшими, не самолепными, а вполне себе магазинными, с глутаматом и луком внутри. Но есть хотелось, и с пельменями мы кое-как разобрались, хотя я покался, ещё не успев доесть. Потому что началась отрыжка. Ну, хоть чай горячий был, а у Светки оказалась со вчера зажучена шоколадка и пачка печенья, от отрыжки не помогло.

Поужинав, отправились в № 9, спать.

Комната оказалась неожиданно сносной, в ней имелись диван и две кровати, мы устали настолько, что завалились и уснули, я у окна, отец на диване.

Проснулся я оттого, что в окно что-то бухнуло. Я открыл глаза и стал думать – это мне приснилось или на самом деле? Ночь как ночь. Отец храпел, Светка надела спальный шлем, закрывающий глаза и уши, удобная штука, но я в ней спать не могу, кажется, что в гробу, а Светке в самый раз.

Бухнуло снова, только на этот раз не в окно, а на крышу, словно кто-то зашвырнул туда связанную в пучок траву. Или носок, набитый другими носками. Или гнилую капусту, кочан. Потом бухнуло ещё несколько раз, пять кочанов, и я решил, что это кошки, у них ведь мягкие лапы и ночные привычки.

Кошки бегали по крыше, стучали копытами, мешали мне уснуть. Я попробовал заложить голову подушкой, но не получилось, глухое бумканье доносилось даже через подушковый синтепон. И я решил пойти посмотреть, шугануть кошек, зашвырнуть на крышу корягу. Я могу спать под железнодорожным мостом, и если телевизор включён, тоже могу, и почти всегда могу, если только не думаю, что по крыше ходят кошки или в ванной капает вода. Как-то я ночевал один в номере, и там протекал кран. Я не мог перекрыть кран и не мог ничего с этим поделать, так и промучился почти до утра.

Кошки были ещё хуже крана, в срывающихся каплях был ритм, мой мозг подстроился под него и перестал ловить, тогда я уснул. Но здешние кошки не хотели ходить строем и передвигались по крыше вразнобой. Их необходимо было поставить на место.

Я осторожно выбрался из койки, умудрившись не скрипнуть ни одной пружиной, надел кроссовки и вышел.

Номера в «Тихой прохладе» располагались вдоль коридора, а № 9 – в самом конце. В коридоре действительно пахло краской, из окон падал лунный свет, самый обычный коридор, в конце дверь. Я сделал шаг и...

И всё.

Ничего не произошло. Ни тень не мелькнула, ни подозрительный скрип половицы не разорвал ночную тишь. Коридор, лунный свет через окна справа, по крыше опять буханье. Но я испугался.

Иногда со мной приключается страх. Настоящий. Это с детства, с ночи, в которую я понял, что зло существует и, что самое безнадёжное, оно рядом. И ждёт.

Я помню тот сон.

Улица, дом моей бабушки, маленький и одноэтажный, солнечный полдень, я стою на улице, и вокруг никого нет. А я не могу понять – почему, ведь день? Но нет никого, даже птиц, а воробьи всегда сидят на заборе, но никаких воробьев. Дверь в бабушкин дом открыта, конечно же, я отправился туда.

Чем плохи сны. В них ты всегда смотришь на себя со стороны, это вроде ты, но только повлиять на себя никак не можешь, двигаешься как робот и знаешь, что всё закончится плохо. Вот и я тогда знал, что ничем хорошим это не закончится, но всё равно отправился в бабушкин дом.

Я поднялся по ступеням крыльца и оказался в коридоре, а затем и на веранде. У нас была чудесная веранда, с плетеными креслами, со старинным столом и с самоваром, лампа с деревянным абажуром и дверь в кладовку. Дверь была выкрашена фиолетовой краской, но за лето она выцвела в сине-красный, почти в мареновый. Мы с сестрой боялись этой красной двери и никогда её не открывали, хотя на самом деле там не хранилось ничего ужасного – грабли, мётлы, банные веники и разная рухлядь. Но нам, само собой, представлялось другое – красные анфилады комнат, в которых так легко заблудиться и потеряться навсегда, непроходимые лабиринты, бесконечные коридоры, чёрные шупальца.

В том моем сне красная дверь была как раз открыта. То есть приоткрыта, не широко, на ладонь. Из кладовки не струился багровый свет, и чёрные шупальца не стлались по полу, но я всё равно знал, что открывать эту дверь не стоит.

Но я её открыл, это ведь сон. Я вошёл в кладовку.

Там ничего особого не было, так мне показалось на первый взгляд, всё те же швабры и кадушки. Я уже хотел выйти, но тут увидел. На стене слева висели полки, занятые какой-то ненужной рухлядью, и самая верхняя полка...

Раскушена.

От неё откусили, как от пережаренной пастилы, там остались отпечатки зубов, след от широких челюстей, я тогда подумал – четыре кулака в ряд войдут. И ещё такая штука – на месте укуса с полки свисала длинная жёлтая жила с запекшейся кровью и ошмётками мяса. Я увидел это, и тут же жила качнулась, а я почувствовал, как качнулся воздух у меня за спиной. Там возник кто-то, я не сомневался.

Я не посмел оглянуться, потому что знал, что если оглянусь, то умру. Вот просто умру от ужаса. Я застыл. Я не дышал и не двигался, во сне это легко. Зато я не мог не думать. А если человек думает, он боится.

«Будешь всегда в крови», – прошептали мне в левое ухо.

Я запомнил это навсегда. Как запомнил тот кошмар, который затопил мою душу от этих слов, а ещё больше от голоса, который эти слова произнёс.

Да, навсегда.

Я прокусил руку до сухожилий и выбил во сне два зуба о спинку кровати. Но это я узнал уже позже, когда проснулся. А проснуться я не мог долго, как ни старался. Голос продолжал шептать мне на ухо, я орал и извивался на кровати, стараясь выбраться из его липких объятий.

Отец достал из холодильника бутылку ледяной газировки, взболтал её и вылил мне в лицо.

Я проснулся.

В то утро мать выдернула у меня четырнадцать седых волос, а когда я спросил у отца, что это было, он ответил. И я запомнил его ответ на всю жизнь.

Ад, сказал отец. Теперь, сынок, ты знаешь, как выглядит ад. Помни.

Думаю, в тот день закончилось моё детство. Нет, оно ещё вроде как продолжалось, но с того дня я чётко знал, что в мире есть зло. Настоящее, то, которое хочет только жрать, только жрать, только жрать.

И я запомнил. То есть не то что запомнил, это нельзя было забыть. И этот сон являлся и потом, не оставлял меня никогда. Он менялся. Это были круговые лестницы, ведущие в бездонные ямы, это были поля с мёртвой травой, это были трубы, в которых я захлёбывался и не мог пошевелиться. Мёртвые города. Лес, которому нет конца. И везде был он, тот, кто говорил со мной в ту первую страшную ночь.

Эти сны похожи на фотографии. Они лежат у меня в голове, в мельчайшей и тонкой подробности, я научился задвигать их на далёкую полку, в тесные далекие углы, но стоит лишь зацепить их, как голос за левым плечом начинает говорить со мной снова, каждый раз разный и каждый раз всё тот же. Я его знаю.

И знаю, что есть ад.

Я стоял в коридоре гостевого двора «Тихая прохлада», смотрел в коридор и знал, что ад здесь. Не где-то там в пылающих подземных пещерах, в буйстве огня и в воздухе, сочащемся серой, не в радиоактивных распадах Меркурия и не в стылых глетчерах Плутона, а здесь, рядом, достаточно протянуть руку. Вот в этом самом коридоре. В самовязаном половике в красный ромб, в стенах, увешанных пошлыми коллажами в блестящих рамках, в воняющих пластиком новых окнах, он здесь. И если я шагну, то увижу. И вкрадчивый голос снова скажет мне на ухо.

По крыше продолжали скакать кошки с тяжёлыми лапами.

Я вернулся в номер, залез в койку и лежал, боясь уснуть, но уснул уже к утру, к первым лучам. Проснулся от холода в голове и сразу понял, что это Светка. Если Светка просыпается раньше остальных, она не может терпеть, чтобы остальные отдыхали. Поэтому она придумывает многочисленные вредности, чтобы остальные тоже проснулись. Со мной она частенько проделывает «мерзлый пятак». Это просто и эффектно – берёшь монету покрупнее, например пять рублей, кладёшь её в морозильник, хорошенько охлаждаешь, а потом спящему на лоб. Мозг реагирует причудливо, должен признать.

Я проснулся, потрогал себя за лоб, но монеты не нашёл. И холодного следа. Значит, сам проснулся. Светка сидела на кровати и попивала чай из стакана.

– Проснулся? – зевнула она. – Иди завтракай, папаня ждёт уже.

Я отправился в гостиную. Отец уже был там, допивал чай и изучал путеводитель, наверное, выбирал, куда мы двинемся сегодня. Всё-таки в Знобищево, или, может, в какой-нибудь Уржум, или в Просаково, там самые тёплые в России валенки и самые шустрые беговые тараканы. Светка, само собой, за Трупылёво. А мне всё равно, я не выспался, а когда не выспался, плохо соображаю.

Решил кофе попить.

– Рекомендую чай, – посоветовал отец. – Неплохой сбор, мята, зверобой, и заварено толково, в чугуне. Я люблю, когда в чугуне.

Но я выбрал кофе. Для меня все чаи на один дровяной вкус, а кофе бодрит.

Кофе оказался хорошим. Забавно – с нашей неприветливой хозяйкой случилась удивительная перемена. Меня ждал отличный завтрак, правильные яйца пашот, гренки, ветчина и сыр, салат из корневого сельдерея, три вида йогурта, дыня, кофе и горячие бутерброды. Кроме того, хозяйка собрала нам в дорогу сухой паек и велела обязательно приезжать ещё, а лучше остаться на недельку, поскольку ожидается праздник плотницкого искусства. Отец обещал подумать и велел нам идти собираться, стоило выехать пораньше.

Особо собираться было нечего, я посидел на койке, съел прихваченный в столовой бутерброд, сказал Светке, что она плохо выглядит.

– Это от вечерних пельменей, – сказала Светка. – Пельмени и майонез сокращают жизнь, это доказано.

– Проживёшь на сто лет меньше, – посочувствовал я. – Это, конечно, печально.

– Да уж... Слушай, ночью что, дождь был?

– Я спал, не слышал.

Соврал я.

– По крыше что-то громыхало...

Светка поглядела на потолок. Потолок как потолок.

– Это кошки, – сказал я. – Со всей округи сбежались на нас посмотреть.

– Кошки, говоришь... Ладно, давай в машину, – Светка закинула на плечо сумку. – А то опоздаем на трупылёвский экспресс.

Но на экспресс мы, к сожалению, не опоздали.

Светка толкнула дверь и вышла первой, я чуть замешкался, зацепился рукавом за дверную ручку – это со мной частенько случается. Светка завизжала. Я дёрнул руку и разорвал рукав, выскочил вслед. Светка визжала.

Весь двор был засыпан перьями, и не только перьями. Птицами ещё. Какие-то птички, не очень большие, размером с кулак, серо-белого цвета, сначала я подумал, что голуби, но потом увидел, что нет, дикие. Они лежали на земле, в цветах, на крыше, а возле стены стояло четыре ведра, тоже забитых птицами. И рядом грабли стояли, которыми этих птиц в ведра сгребали. Целая стая нашла свою тихую прохладу. Ветер прилетал из-за крыш и поднимал пух. Если бы не дохлые птички, я бы предположил, что ночью тут по-японски покончила с собой старая перина.

– Ну хватит, – сказал я.

Светка перестала визжать. Вот что по крыше ночью шлёпало мягкими лапами, а я думал – кошки. Живые кошки, они как мёртвые птицы, всё понятно.

– Они... мёртвые... – прошептала Светка. – Мёртвые?

– Наверное... Не знаю...

Я на расстоянии не очень хорошо отделяю мёртвое от живого, чего уж.

– Ночью был дождь из мёртвых серых птиц, – отрешённо произнесла Светка. – Утро Дохлого Дрозда, да-да...

Не все птицы были бело-серыми, рядом со скамейкой лежала белая.

Светка наклонилась и подняла эту белую. Я хотел крикнуть, что не стоит этого делать, но не успел, она уже подняла.

Кто-то всегда поднимает белую птицу.

– Мёртвая...

Кто-то всегда поднимает мёртвую птицу.

Светка смотрела на птицу в своей руке. Понятно же, что дохлая, но Светка не могла кинуть её на землю, искала, куда положить.

– Да брось ты её, – сказал я. – Мало ли от какой заразы они передохли? Может, птичий грипп?

Светка огляделась, присматривая, куда положить птицу.

– Дайте сюда.

Я обернулся. Рядом с нами стояла хозяйка гостевого дома, она улыбалась и протягивала руку.

– Дайте её сюда, – попросила хозяйка. – Я уберу.

Дурацкая какая-то ситуация. Хозяйка стояла и с умильным выражением лица смотрела на Светку, точно это не Светка была, а Снегурочка к ним в гости заглянула.

– Пожалуйста! Дайте!

Мне показалось, что хозяйка сейчас заплачет.

Светка отдала птицу. Хозяйка взяла этого белого дрозда и унесла отчего-то в дом. Мы со Светкой переглянулись. Я и сказать ничего толком не мог придумать.

Появился отец с рюкзаком, оглядел птичий двор, плюнул.

– Это не мы, – тут же сказала Светка. – Мы проснулись, а оно уже так.

– Не мы, – подтвердил я. – Оно правда само...

– Понятно, – кивнул отец. – Ничего не трогали?

– Нет, – тут же ответила Светка. – Что мы, дураки? А вдруг это птичий грипп?

– Да, птичьего гриппа нам только не хватало. Вы готовы?

– Готовы.

– Едем дальше.

Мы двинулись к выходу, но тут из «Тихой прохлады» появилась хозяйка усадьбы с большим бумажным пакетом.

– Вы забыли, – сказала она. – В дорожку.

Отец взял кулёк под мышку.

– А это что всё-таки? – спросил отец у хозяйки, кивнув на двор.

– Птицы, что ли? – как ни в чём не бывало зевнула хозяйка. – А, они тут всегда падают...

– Как? – не понял отец.

Светка вытирала руку спиртовой салфеткой. А я смотрел надохлых птиц.

– А кто его знает? – пожала плечами хозяйка. – Киты на берег выбрасываются, а птицы падают. Сбиваются с пути, потом сил уже не хватает – и падают. Бывает, что полгорода ими засыпано.

Отец брезгливо поморщился, он птиц не любит, особеннодохлых.

– У нас тут учёные приезжали, хотели узнать секрет. Выяснили, что это из-за плотин на Волге. У птиц всё путается в голове, вот они и падают.

Хозяйка постучала себя пальцем по голове, точно они ей на темечко падают. А вообще...дохлая птица – это плохая примета.

– Сегодня утром во двор выглянула, а они валяются. Всех убрать не успела, как яблок в сентябре навалило.

– И куда вы их будете девать? – спросил я.

– Куда? Да на помойку выкину, куда ещё? Сейчас в мешок пересыплю да и выкину...

Хозяйка вздохнула и взялась за лопату.

Мы попрощались. Отец что-то еще уточнял по путеводителю, я вышел за ворота, Светка за мной.

На улице было... оживлённо. Мимо шагали две тётки с тележками на колёсиках, о чём-то увлечённо беседовали. Через улицу возле синего дома с косыми воротами мужик косил траву. У перекрёстка стоял «Москвич», в нём двое. Выше по улице возле колонки набирал воду лысый дядька. И все они упорно не смотрели в нашу сторону, притом что понятно было – явились посмотреть именно на нас.

– Действительно, смотрят, – сказала Светка. – Вроде как не смотрят, а смотрят. Не, паршивый городишко, мне здесь окончательно не нравится. Уезжаем поскорее.

Закинули вещи в машину, забрались сами, отец сразу поехал, на центральную площадь, как собирался, заглядывать не стал. А на нас смотрели.

На улицах, как и вокруг «Прохлады», было не по-утреннему многолюдно. Все куда-то шли, ехали, тащили доски, и сумки, и вёдра с огурцами, и все эти встречные нами активно не интересовались, совсем как в Москве какой-нибудь. На декорацию похоже из убогого современного фильма, когда на заднике создают чересчур активную жизнь, какой в самой жизни

почти не случается. Я хотел отцу предложить кружок по кварталу нарисовать и встретить снова тёток с огурцами, и плотников с топорами, и девочку с кошкой на поводке.

Но отец уже вырулил на улицу, ведущую из города.

– Вот и выбрались, – сказал он.

– Ага.

Я опустил стекло и вышвырнул в придорожную канаву бумажный пакет, припасённый для нас хозяйкой усадьбы.

– Разумно, – согласился отец.

– Интересно, с чего это она к нам такой любовью вспылала? – спросила Светка.

– Провинция, – пояснил я. – Вечером украли зарядку, с утра подарили коленвал. Пора бы привыкнуть.

– Да-да, знаю, на дальней станции сойду. Надо было в аптеку заехать, антисептиков купить.

– Не надо хватать всё что попало, тогда и антисептики не понадобятся, – сказал я.

Светка вредно свистнула у меня над ухом, так что немного заложило, ладно, жестоко отомщу.

– Па, останови у реки, – сказал я.

– Зачем?

– Сброшу Светлану с понтона, давно мечтал.

– Сама тебя сброшу, – огрызнулась Светлана.

Мы немного поспорили – кто кого свергнет с моста. На дороге не было никого, ни фур, ни лесовозов, так что отец гнал, давил педаль в пол. Холмы остались позади.

4

Авария

Ненавижу больницы.

А кто их любит? Хотя какие-нибудь оригиналы найдутся, на любую ерунду всегда найдётся любитель, наверняка кто-то и больницы любит. Я нет. Светка нет.

Ненавижу, даже если они переделаны из пенькового техникума.

Я сидел на скамейке в коридоре, Светка вышла из туалета, вытерла руки. Правая ладонь у неё покраснела, это Светка её отмывала щёткой после птицы. Светка вытерла руку о джинсы и села рядом со мной.

– Что скажешь? – поинтересовался я.

– Нет слов, – ответила Светка. – Просто... Это всё происходит на самом деле?

– Похоже. Ничего не пойму...

– Я тоже, – кивнула Светка. – Я тоже ничего не пойму. Фантазмагория... Гигантская сосна, «Пир», птицы дохлые... И это теперь ещё.

– Слушай, – перебил я. – А ведь правда – дохлая птица – это к неприятностям.

– Ничего себе неприятности...

Светка покачала головой.

– Зато в пеньковом техникуме побывали.

Это я так пошутил. Не смешно. Абсолютно не смешно.

«Скорая» увезла отца, а мы остались на дороге. Одни. Врач сказал, что полицию они вызвали, и та будет вот-вот, надо подождать. Мы стали ждать. К «Роверу» подходить опасались, сидели на обочине, молчали. Потому что шок. Да и головой я о торпеду приложился из-за несработавшей подушки, гудело всё и гремело. А у Светки губа оказалась глубоко рассечена и кровила, и Светка то и дело сплевывала на землю.

– Кто это был? – спросила она.

– В смысле?

– Кто выскочил? Олень?

Я поднялся с песка и направился к машине. Если уж не взорвалась, то и не взорвётся, а вещи надо достать.

– Осторожнее, – сказала Светка.

И так понятно, что осторожнее.

Машина пострадала, но не очень – справа раскурочило фару, оторвало кусок бампера и крыло чуть подогнуло. Непонятно, конечно, почему не сработали подушки безопасности. Хотя... Наверное, слишком слабый удар. Отцу не повезло, слишком неожиданно, не успел поставить руку. Я успел, Светка успела, отец не успел.

Стареет.

Я открыл заднюю дверь, выкинул свою сумку и рюкзак Светки, вещи на первое время, теперь...

Всё-таки я не утерпел и решил посмотреть кто.

У канавы валялся чёрный кусок пластика от бампера, и я заметил на этом куске клочок грязной чёрной шерсти и немного крови. Зацепили, значит. И ещё воняло. И от машины по дороге тянулись капли в сторону леса. Я спустился по песчаному откосу, перешагнул полосу начавшей алеть брусники, оказался между ёлками и уже успевшими опасть листьями.

– Эй! – позвала Светка. – Ты это... далеко не уходи, мало ли...

– Ага.

Красные капли прекрасно виднелись на мху, я сделал ещё несколько шагов по кровавой дорожке. Там дальше между деревьями было такое местечко, чистое, без мха и травы, серый, чуть влажный с утра песок, на котором остался отпечаток лапы. Я не разбирался в следах животных, но в общем представлял, что они двух видов – как у волка и как у оленя. Копыта и лапы, так вот примерно.

Следы на песке оставил не волк. Скорее кабан – копыта были раздвоенные и острые. Кабан, кабан, только большой очень. Секач. Получается, что мы сбили кабана. То есть не насмерть сбили, но всё равно, вряд ли это знакомство пошло ему на пользу...

Стало как-то неуютно. Любые подранки чрезвычайно опасны, это раз. А во-вторых, кабаны чрезвычайно мстительны и яростны, я где-то читал, что однажды мужик не добрал секача, и этот кабан его потом три года выслеживал и всё-таки достал в Приморском крае. Отгрыз ноги и руки, а горло не тронул. МЧС мужика спасло, но остался он инвалидом. Кабаны мстительны.

Я вдруг почувствовал, что не могу повернуться к лесу спиной, мне казалось, что вот только я обернусь, как на меня кинется... вот этот самый кабан. Пришлось пятиться. Я пятился и глядел по сторонам, слушал, и глаза растопыривал на полкилометра... И вдруг я вспомнил, что Светка на дороге одна. Пока я тут болтаюсь, разглядывая следы, он может вполне подобраться к ней.

Я дернул обратно, перескакивая через кочки и сучья, спеша на помощь Светке...

Я остановился. Но на этот раз это был не корень, не нора и не сук, запах, я налетел горлом на ленту плотного звериного смрада. Еще тёплого.

Он был здесь недавно.

Может, он ещё оставался здесь. Ждал. Слышал наши сердца.

Я посмотрел влево и увидел его.

Тёмную кучу на фоне зелени.

Не знаю зачем, но я направился к этой куче.

Это был действительно кабан. И на самом деле, наверное, секач – если я хоть что-то понимал в секачах, то у них должны иметься клыки. Чтобы, собственно, сечь. У этого клыки имелись. И горб, поросший чёрной щетиной. И копыта. И место от удара машиной – на голове была заметна кровавая вмятина с вырванной шерстью, клочок которой как раз прилип к бамперу. Размер у кабана был несомненный – думаю, стоя, он вполне бы доставал до моего плеча.

Мы сбили его, он прибежал сюда, сдох. Вот только...

Кабан выглядел так, точно умер несколько дней назад. А он должен был оставаться вполне себе свеженьким. Но даже при поверхностном взгляде было видно, что мертвечина уже старая. Кровь вокруг раны свернулась и сгнила, шерсть на боках слезала островками, в задней ноге успели завестись черви.

А еще у кабана не было глаз. Птицы, скорее всего, вороны. Но это тоже случилось не сегодня, в глазницы набились земля и мусор.

Получалось, что мы сбили кабана ужедохлого. Дохлый слепой кабан вышел на дорогу и бросился на машину. Потом убежал в лес, где сдох уже окончательно. Вот как.

Вот так.

Я вернулся на дорогу.

Светка продолжала сидеть на обочине. Кровь из разбитой губы не останавливалась, и Светка наплевала под ноги небольшую лужицу. Много крови вокруг, слишком много. Опасно. Что-то я устал.

Сестра поглядела на меня, я сделал успокоенный вид.

– Ну и кто там? – спросила она.

– Кабан, – ответил я. – Здоровенный.

– Кабан?

- Угу. Секач. Немного отбежал и сдох. Тут их полным-полно в лесу, всё следами изрыто.
- Мы переехали кабана?
- Похоже, – сказал я. – Чего сидеть, может, пойдём?
- Куда?
- В Холмы.
- Зачем?

Я поглядел в лес, в сосны и в тени.

- Там... – кивнула Светка. – Там что-то не так?

Я промолчал.

- Слушай, а ты не чувствуешь разве? – Светка поморщилась.

- Что?

- Запах. То есть... вонь. Здесь воняет невыносимо... не знаю чем... гнилью какой-то...

Мертвечиной.

- Это от машины, – предположил я. – То есть от зверя. Там, на бампере, его кровь осталась... Лучше нам двинуть в город потихоньку. В другую сторону идти бесполезно.

- Там почти триста километров, – напомнила Светка.

- Во-во. Так что пойдём в город.

- А дальше?

- Посмотрим. Не знаю...

Мы прихватили вещи и двинулись в сторону Холмов. Шагали по центру дороги, где гравий поукатанней и от леса подальше. Конечно, неприятно было шагать, мне постоянно казалось, что за нами наблюдают, и избавиться от этого чувства я никак не мог. Светка тоже – она то и дело озиралась по сторонам и оглядывалась, так что и я начал оглядываться и жалеть, что не взял в машине топорик, он рядом с запаской хранился. Отошли недалеко, но и возвращаться не хотелось, глупо. Ладно, посмотрим.

- Забавно. – Светка поправила рюкзак, облизала губы, сплюнула.

- Что забавного?

- Папаня в отключке, а мы по дороге бредём.

- И что?

- Можно оторваться.

- Как? – не понял я.

- Так. Про нас никто не знает, документы у нас с собой, папаша без сознания. Можем оторваться. Путешествовать в своё удовольствие.

- А деньги?

Светка достала из кармана банковскую карточку.

- Когда успела? – удивился я.

- А вот успела, – улыбнулась она. – Карточка у нас есть, пароль я знаю. Так что можем смело путешествовать.

- Нет, – возразил я.

- Почему?

- Потому что... Это нехорошо.

- Он с нами всегда нехорошо поступал! – крикнула Светка. – Ему на нас наплевать было!

А теперь такой удобный случай! Это...

- Не надо орать, – оборвал я. – Бросать отца без сознания – подло.

- Он так сам всегда поступает...

- Подло, – с твёрдостью повторил я. – И мы так поступать не будем.

Светка фыркнула и замолчала, отодвинулась от меня и шагала теперь в метре справа, демонстративно отвернувшись в сторону. Надо за ней приглядывать. А то ещё рванёт к Некиту,

с неё станется. Конечно, Некит фанфарон, но дурак не законченный – он Светку пинком отправит восвояси, а мне её потом ищи.

– Надеюсь, ты удирать не собираешься? – спросил я.

Светка не ответила, опять плюнула под ноги уже замысловато, кольцевой слюной.

Ладно, я могу полгода молчать.

Так прошли, наверное, с километр. Я свистел, Светка плевала.

– Тебе странным не кажется? – остановилась вдруг Светка, первой не выдержала.

– Что?

– Никого нет. День вовсю, а на дороге никого. Интересно почему?

– Да мало ли? Бензин не завезли. Плевать.

– А придём, что делать будем? Куда вообще придём?

– В полицию, куда ещё.

Только я сказал про полицию, как со стороны Холмов показалась бело-синяя полицейская машина.

– Не торопятся они здесь, – заметила Светка. – Почти три часа прошло...

Завидев нас, патрульная машина включила маячки. Но скорости не прибавила, подвеску сберегала.

Дальше было долго. Вернулись к нашей машине. Полицейские оформляли ДТП, опрашивали нас и осматривали место, фотографировали, не очень усердно искали в лесу кабана, но почему-то не нашли, снова опрашивали нас и спрашивали – точно ли кабан? Я говорил, что кабан, там на дороге шерсть, а там в деревьях он лежит, можно проверить. Проверили, но в лесу кабана не нашли, только следы. Странно. Странно, но второй раз я в лес не полез, а ну его.

Потом полисмены нудно звонили в город, ругались и выясняли – куда именно нас следует отвезти. Потом вызывали эвакуатор, и ругались, что эвакуатора нет, и снова вызывали его, но уже из каких-то Сорочьих Низов. Потом ругались уже, кажется, просто так. Потом расспрашивали – есть ли у нашего отца права, он же однорукий. Я говорила, что права есть, что комиссию он проходит каждый год, так что всё в порядке.

Потом мы со Светкой сидели в полицейской машине и тосковали. Губа у Светки наконец-то засохла, но, засохнув, распухла, от чего Светка стала похожа на клоуна.

Когда с машиной и с формальностями всё было закончено, нас повезли в Холмы. Полицейский сказал, что решено нас пока оставить в Холмах. Врачи «Скорой помощи» сообщили им, что наш отец пролежит в больнице дня два-три, в этих самых Сорочьих Низах, потом его выпишут, вряд ли дольше задержат. А мы это время проживём... в больнице.

– Почему в больнице? – спросила Светка.

– Это временно, – ответил старший полисмен. – Центр по работе с несовершеннолетними у нас только в Знобищеве, да и то на ремонте пока. Лучше вам пару дней в Холмах пожить.

– Но почему в больнице?

– Больше нигде. Больных никого нет, а палаты недавно отремонтированы. У нас все там останавливаются, даже музыканты, когда приезжают. А отец ваш... Кстати, а мама ваша где?

– Она умерла, – мрачно ответила Светка.

– Умерла... – водитель обернулся. – Очень жаль...

– Да, – согласилась Светка. – Жаль.

– Не переживайте, – сказал полицейский. – Всё будет хорошо. Я в прошлом году сам попадал в такую аварию, и тоже подушки не сработали. Три месяца на лбу синяк от руля, а потом рассосалось. Ну, сотрясение мозга, само собой. Но это ерунда, да?

Полицейский оглянулся, а я подумал, что сотрясение мозга – это не ерунда.

Через полчаса были уже в Холмах.

Нас отвезли сразу наверх, в больницу, которая раньше была пеньковым техникумом, ну, там, где поваленный забор по пути к сосне.

Пеньковский техникум не разочаровал интерьером, хотя нам было несколько не до осмотра местных культурных достижений, Светка вообще в запоздалый шок впала, молчала, пришлось взять её за руку. Нас проводили в приёмный покой и велели ждать, ждали и на потолки смотрели, там ещё лепнина сохранилась.

– И что ты думаешь? – спросила Светка.

– Думаю, что реставрировали, – ответил я. – Лет сто назад делали серьёзный ремонт...

– Нет, я про отца.

– У нашего батюшки крепкая голова, – сказал я. – Думаю, у него и сотрясения-то нет. Немножечко оглушило, полежит и поправится. Так всегда бывает.

– А это разве по правилам? – Светка повертела пальцем вокруг. – Вот так брать детей, засовывать их в больницу, ни у кого не спросясь?

– По правилам нас должны поместить...

Я не знал, куда нас по правилам должны поместить в подобном случае. В органы опеки и попечительства. В приют. В центр временного содержания. В ЦВИНП. Точно, в ЦВИНП, где-то мне уже грозились заведением с этим угрожающим названием.

– Куда-то нас должны поместить, – закончил я. – Но у них всё закрыто, только здесь свободно...

– Это да, – согласилась Светка. – Всё закрыто. Странный городок, тебе не кажется?

– Так, немного странный, конечно. Больных нет... Генетика у народа хорошая, вот и не болеют. Целебные ключи, опять же, какие-нибудь. А потом, сейчас лето, кому летом охота болеть? Все на огородах.

– Ну, может, – согласилась Светка. – Летом, может, не болеют. А почему...

Из ближайшего кабинета вышла медсестра, вот как раз такая, какую я представлял, – сонная, в старомодном халате, белом и застиранном, причём из кармана халата торчала трубка деревянного стетоскопа. Медсестра растерянно оглядела коридор, увидела нас, удивилась и сказала:

– Это вы, что ли, в аварию попали?

– Мы.

– Пойдёмте, я вас осмотрю. – Медсестра указала на дверь кабинета.

– Да нас «Скорая» уже осмотрела.

– Мало ли чего они там осмотрели. – Медсестра достала стетоскоп, дунула в него. – В этой «Скорой помощи» одни студенты работают да пенсионеры. Пойдёмте, ребятки, я вас послушаю.

– А как всё-таки папа? – спросил я.

– Состояние стабильное, – сообщила медсестра. – Довезли вовремя, будут томографию делать завтра.

– В Сорочьих Ногах...

– Низах, – поправила медсестра.

– Низах, – согласилась Светка. – Там есть томограф?

– Передвижной, – ответила сестра. – Там месячник диспансеризации как раз, томограф привезли, рентген, ПЦР...

– Понятно.

– Ваш папа в сознание пока не пришёл, я как раз справлялась.

Медсестра улыбнулась.

– А мы что же? – спросил я. – Нам что делать? Может, нам поехать... Куда отца отправили? В Низы?

– Не знаю, – вздохнула медсестра. – Это ведь не ко мне. Сейчас Юлия Владимировна придёт, она в инспекции несовершеннолетней работает. А вас надо посмотреть.

– Да с нами в порядке всё. – Светка стала чесать руку, запястье.

– Это пока неизвестно, – настойчиво сказала медсестра. – Симптомы могут быть скрытыми. Мозговые кровотечения, полостные кровотечения... Пойдёмте в кабинет, хотя бы давление измерим.

Я кивнул Светке. Та пожала плечами, почесала руку.

– Не переживайте за отца, – успокоила медсестра. – Там хорошее отделение, врачи опытные. А вас всё-таки надо осмотреть.

Мы не стали противиться, медсестра была неотвязная.

Кабинет был старинный, но аккуратный, с бывалыми медицинскими вещами, с облупившимися плакатами на стенах, с коричневым толстым телефоном с дисковым набором. Медсестра усадила нас на основательно штопаную кушетку и стала проверять наше состояние. При проверке она использовала весьма проверенные методы – слушала грудь и спину через деревянную трубку, выстукивала пальцами, мяла живот, глядела в глаза и с удовольствием стучала молоточком. По мне стучала сильнее и бесцеремонно, по Светке деликатнее. Светке она уделила времени гораздо больше, особенно долго изучала глаза и запястье, которое Светка уже успела расчесать. Выворачивала рассечённую губу, кривилась и щёлкала языком.

– Губу можно зашить, – сказала медсестра. – Я могу...

Сестра сняла с полки железную коробочку, откинула крышку. Внутри находились ветеринарных размеров иглы и моток ниток.

– Нет, спасибо, – отказалась Светка. – Само зарастёт.

– Шрам останется, – сказала медсестра.

– Ничего, – вздохнула Светка. – Буду с этим как-то жить.

Я хихикнул. Не хочет перед Некитом с заштопанной губой появляться.

– Больше видимых повреждений нет, – объявила медсестра. – Хотя денёк за вами придётся посмотреть, у вас всё-таки нервное потрясение.

Медсестра указала мизинцем на руку Светки.

– Есть мазь Вишневского, – посоветовала медсестра. – Отличное средство!

– Её из лягушек делают, – поморщилась Светка.

– Зато от всего лечит!

В глазах медсестры полыхнул целительский восторг, видимо, мазь Вишневского сыграла в её судьбе значительную роль. Она не удержалась и сняла с полки коричневую банку.

– Спасибо, – я взял эту банку. – Воспользуемся.

– Лучше из мази компресс накладывать, – сладостно вздохнула медсестра. – Компресс – самое эффективное.

– Наложим компресс, – пообещал я. – А что нам сейчас делать? Ждать?

– Да, – кивнула медсестра. – Ждать. Вы посидите в коридоре, подождите, Юлия Владимировна скоро придёт.

Медсестра улыбнулась, достала толстую медицинскую книгу и начала в неё что-то внимательно записывать. Мы немного посидели на кушетке, глядя, как медсестра украшает бумагу своим мелким почерком. Но медсестра всё писала и писала, стало понятно, что нам пора выйти и действительно подождать в коридоре.

Вот мы вышли в коридор, уселись на скамейке и стали ждать эту Юлию Владимировну, но как-то Юлия Владимировна не прибывала и не прибывала, время уже перевалило за полдень, а Юлии Владимировны так и не случилось. Светка утомилась, легла на скамейку и задремала, а я отправился побродить по больнице, бывшему пеньковому техникуму.

Тут было три этажа, широкие коридоры и высокие потолки, и такие же высокие окна, поэтому на больницу не походило, слишком светло. Зелёный линолеум с протёртыми тропками, батареи, крашенные в охру, какие-то рисунки, замазанные на стенах белой эмалью. Фонтанчики с водой, торчащие из стен.

Никого.

Безжизненно. Ни больных, ни здоровых, ни врачей, ни пациентов. Все выздоровели. Решил начать осмотр сверху, поднялся на третий по широкой лестнице, уткнулся в дверь. Хорошая, крепкая дверь, закрыто. Третий этаж недоступен.

Я наклонился и посмотрел в замочную скважину.

Неожиданно подумал, что никогда в жизни не смотрел в замочную скважину. Кажется, самая обычная штука, в фильмах и книгах герои смотрят в замочные скважины направо, а вот в реальности...

Первый раз.

Видно было неплохо, белый коридор, справа окна, слева палаты, плитка на полу выложена ромбами. Ничего необычного, больничное отделение, в котором нет пациентов. На подоконнике белый халат валялся. Я уже почти оторвался от этой скважины, но тут...

Я оторвался от замочной скважины.

Ну и что? Ну, подумаешь, халат белый. Ну, заляпан ржавчиной. И что? Больница ведь. На третьем этаже хирургическое отделение, так что ничего необычного в перепачканном халате. Подумаешь. Надо ещё посмотреть.

Я вдруг понял, что боюсь. Посмотрю – а халата там нет больше. Вот и думай – утащил его кто или причудился мне этот халат, и то и другое плохо.

Всё-таки глянул. Халат продолжал лежать на подоконнике. Халат как халат, нечего себя накручивать.

Спустился на второй.

Тут ничего необычного, коридор точно такой же, как на третьем. Те же ромбы на полу, те же подоконники, двери только открыты. Людей никого.

Запахло мазью Вишневского.

– Странный городок, – сказала Светка. – Больница есть, а больных нет...

Я обернулся.

Светка стояла рядом, подкралась неслышно, мазь выдала. Не спится, значит.

– Лето, – сказал я.

– А что они на нас смотрели так? – Светка понюхала банку с мазью, поморщилась. – Утром? Когда мы уезжали?

– Дикие, – ответил я. – Вот тебе и объяснение. Дикие люди. А потом, они, может, не на нас смотрели, а на птиц. Узнали, что птиц понападало, и приехали посмотреть.

– Птицепад – отдельная песня. – Светка подула на запястье. – Может, тут и рыба передохла?

– Не, не передохла, – возразил я. – Её давно уже выловили и съели. Вот лягушки передохли – это да. А птицы объелись лягушками и уже в свою очередь передохли. Все передохли. Все передохли, а есть охота, между прочим. Интересно, тут больных чем-то кормят? Или они тоже должны передохнуть?

Светка пожала плечами.

– А ты чего бороздишь? – спросила она.

– Так, смотрел.

– Пойдём вниз, там эта... Юлия Владимировна должна вот-вот...

Спустились на первый. Юлии Владимировны не прибыло, тихо и скучно, как может быть скучно только в Трупылёве, только летом. Я вообще не люблю лето, лето – это всегда...

А, ладно.

Мы посидели ещё с полчаса в ожидании Юлии Владимировны, надоело, и я заглянул в кабинет. Медсестра спала за столом в обнимку с телефоном.

– Похоже, Юлия Владимировна откладывается, – сказал я Светке. – Может, до магазина прогуляемся? Прокормим себя сами?

От пенькового техникума под гору спускалась улица им. И. А. Вопленко, по ней мы и двинулись в поисках магазина. Но магазинов не попадалось что-то, сначала ул. Вопленко представляла собой просторную липовую аллею, а как липы кончились, начались небольшие, но очень разные деревянные домики, все крепкие, затейливые и какие-то чуть сказочные. Мы шагали по центру улицы, и я замечал, как шевелятся шторы на окнах – за нами наблюдали. Светка, кажется, чувствовала то же, она то и дело оглядывалась и вздыхала.

– Неприятное место, – повторила Светка в очередной раз. – И день дурацкий.

– Надо было в Знобищево ехать, – сказал я. – Я ошибся, увы.

– Да хоть в Трупылёво. Но папенька как упёрся, – сосна, сосна... И ты туда же... Результат налицо – сам он отдыхает на больничной койке, а мы... Непонятно, что дальше...

– Дальше идёт нам навстречу, – кивнул я.

Вверх по улице с трудом шагала женщина в полицейской форме и с папкой под мышкой. Я подумал, что это и есть Юлия Владимировна, и не ошибся; заметив нас, женщина остановилась и стала улыбаться, дожидаясь, пока мы не приблизимся к ней.

– Здравствуйте, – сказала она. – Меня зовут Юлия Владимировна, я из инспекции по делам несовершеннолетних. А вы, наверное, Светлана и Мар... Марсель?

– Правильно говорить Марцелл, – поправил я. – Это по-древнеримски означает...

– Да никакой он не Марцелл, – тут же вмешалась Светка. – Он Марсель. Самый обычный Марсель. Наша мама любила французскую литературу, особенно писателя Пруста, он ей от бессонницы помогал и от мигрени. Как мигрень – так сразу томик Пруста, как бессонница – так «В сторону Свана». А вы любите Пруста?

Я мигнул ей – перегибаешь, – но Светка уже сорвалась.

– Вижу – вы его горячая поклонница, это читается во взоре!

Лето. Пенька. Влипли. Влипли.

– Я? – Юлия Владимировна удивилась. – Нет, я как-то не очень... То есть в техникуме, конечно...

– Значит, вы любите Кафку, – разбушевалась Светлана. – Все, кто служит на государственной службе, любят Кафку, слышала, что там принято дарить собрания сочинений. И Кафка в лидерах.

– Я не очень... то есть это...

– А тут есть столовая? – наседала Светлана. – А то мы с Марчелло проголодались, а когда я голодная, я всегда чешусь.

Светлана сунула под нос Юлии Владимировне расчёсанное запястье.

– Тут чипок недалеко, – указала ухоженным пальцем Юлия Владимировна. – Там чай можно попить с выпечкой...

– Я люблю выпечку, – сказала Светка. – Особенно пироги. Особенно с зайчатиной. Вы любите с зайчатиной?

Ну, всё, подумал я, Светка окончательно сорвалась, умничать пустилась, а это зря, в её возрасте так мало кто умничает, Юлия Владимировна, глядя на такие безобразия, может много чего подумать. Нет, всё-таки отцу надо серьёзнее подходить к нашему воспитанию, а то мы немного распустились. Потупее надо быть, потупее.

– Я не знаю... – Юлия Владимировна принялась теребить папку. – У нас с зайчатиной нет, наверное...

– Это она шутит, – сказал я. – Она книжек много читает, повыведываться любит. Мы обычные пироги едим, с капустой, с грибами, с луком и яйцом.

– С капустой у нас есть, – с облегчением сказала Юлия Владимировна. – Вы пока чаю попейте, а я вас в больнице подожду. Нам надо кое-что уладить, а я в инспекции по делам несовершеннолетних только послезавтра буду...

– Можно с гусятиной пироги, – нагло перебила Светка. – Или с вязигой. Я с вязигой особенно...

Я подхватил Светку и потащил по улице. Светка смеялась.

– Ты что? – спросил я, когда мы отделились от Юлии Владимировны на расстояние. – Зачем?!

– А что?! – надулась Светка. – Я на самом деле люблю с вязигой. Помнишь тот ресторанчик в Астрахани? Это вкусно...

– Прекрати умничать! – попросил я. – Ты что, не понимаешь?

– Да понимаю, – Светка вырвала у меня руку. – Все понятно, идём пить чай в чипок. Кстати, что такое чипок?

Я смутно представлял, что такое чипок, но скоро мы ознакомились. Чипок располагался в свеженькой рубленой двухэтажной бане с верандой, над входом висела надпись: «Продукты», внутри кроме продуктов имелись ещё и хозтовары, много резиновых сапог, ковры и пластмассовые вёдра. За прилавком скучал продавец, молодой парень, нам он обрадовался и стал улыбаться, точно мы ему лучшие друзья были. Ну, я тоже улыбнулся, а чего?

Чай пить мы не стали, выбрали две банки йогурта, творожные плюшки и шоколад какой был. Были ещё апельсины, и я взял два килограмма и три пачки сока. Я хотел еще ветчины купить, но Светка сказала, что с этим надо осторожней, продукты лучше покупать в упаковке, и выбрала овсяное печенье. Сгрузили все в корзину, с горкой получилось, я потащил на кассу. Светка протянула карточку продавцу.

– Ага, сейчас.

Парень вытащил из-под прилавка терминал, придвинул Светке. Светка вставила карточку, набрала код.

– Не сработало, – улыбнулся парень. – Попробуйте ещё раз.

Светка снова ввела код. Снова не сработало.

– Вы, наверное, карточку рядом с телефоном хранили, – сказал продавец. – Вот и размагнитилось.

– Не хранила я рядом с телефоном, – огрызнулась Светка.

И попробовала ещё раз. С тем же результатом. А я подумал, что это Светке наказание за воровство у родного отца.

– Достаточно всего одной минуты, чтобы размагнитилось, – сокрушённо сказал продавец. – У меня так всегда бывало.

Светка набрала воздуха, чтобы затеять скандал, но я предупредительно уцепил её за бок. И расплатился наличными.

На холодильнике в углу магазина с мороженым сидел белый плюшевый мишка, такой, от которого обычно умиляются, – с красным шарфиком, подвеской в виде сердечка и новогодним полосатым колпаком. Мордочка ещё такая слезоточивая, так и хотелось погладить по голове, даже мне захотелось погладить. Я где-то читал, что эти вот мишки зомбируют. А Светка вот уставилась на мишку, точно мишек раньше не видела.

– Это вам, – сказал парень.

– Что?

Он достал с холодильника мишку и протянул Светке.

– Зачем? – не поняла Светка.

– Вы же приезжая, – улыбнулся парень.

– Ну да... – растерялась Светка. – И что?

– У нас тут такой обычай. Надо подарить что-то приезжему – тогда в жизни будет удача. Берите мишку, пожалуйста.

Светка поглядела на меня.

Парень выглядел обычно и вроде бы искренне, я кивнул. Светка взяла мишку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.